

МАДЛЕН Л'ЭНГЛ

КВИНТЕТ ВРЕМЕНИ

ОСТРОВА ВО ВРЕМЕНИ

КНИГА 5

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

Квинтет времени

Мадлен Л'Энгл

Острова во времени

«Азбука-Аттикус»

1989

УДК 087.5
ББК 84(4Coe)-445

Л`Энгл М.

Острова во времени / М. Л`Энгл — «Азбука-Аттикус»,
1989 — (Квинтет времени)

ISBN 978-5-389-16238-9

Решив пожить у дедушки с бабушкой, мистера и миссис Мёрри, Полли О`Киф собиралась провести это время с пользой и удовольствием. Познавательные беседы, встречи с приятными соседями, старый знакомый, чьи визиты носят приятный романтический характер... Казалось бы, ничто не предвещает тревог. Однако дом Мёрри – своего рода остров во времени, омываемый потоками прошлого и настоящего. И в один прекрасный день этот поток подхватывает Полли и забрасывает в мир, существовавший на этом месте за три тысячи лет до ее рождения. И здесь Полли тоже находит друзей и даже пылкого поклонника. Однако приключение грозит не только затянуться, но и обернуться бедой, когда измученное засухой племя решает вызвать долгожданный дождь. А в те далекие времена управление погодой принимало весьма опасные формы... Эта книга – ударное завершение цикла «Квинтет времени», начатого прославленным бестселлером «Излом времени», экранизированным в 2018 году студией Уолта Диснея. Впервые на русском языке!

УДК 087.5
ББК 84(4Coe)-445

ISBN 978-5-389-16238-9

© ЛЭНГЛ М., 1989
© Азбука-Аттикус, 1989

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	20
Глава третья	31
Глава четвертая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Мадлен Л'Энгл

Острова во времени

Madeleine L'Engle

An Acceptable Time

Copyright © 1989 by Crosswicks, Ltd.

© А. С. Хромова, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

Дане, Бэр и Эдди Рону, Энни и Джейку

Глава первая

Она прошла через сад, заваленный подбродившей красной падалицей, перелезла через каменную стенку и углубилась в рощу. Тропинка была устелена палой листвой – багряной, оранжевой, золотой, с пряным землистым ароматом. Полли нарочно шаркала ногами, разгребая эту яркую роскошь носками кроссовок. Она впервые очутилась в Новой Англии¹ осенью и теперь упивалась всем этим разноцветьем, падающим с ветвей, бросающим янтарные и бронзовые отсветы на ее волосы. Солнце сияло сквозь золотистую дымку на блекло-голубом небе. Листья с шорохом падали на землю. Воздух был свежий, но не холодный. Было так хорошо, что она даже принялась что-то мурлыкать себе под нос.

Роща была не старая: деревьям не перевалило и за полвека. Стволы их все еще оставались стройными, не то что у древних, увешанных космами испанского мха (который на самом деле вовсе и не мох) черных и виргинских дубов, среди которых она бродила меньше недели назад. На тропе валялись яблоки с дикой яблони. Полли подобрала одно, румяное и корявенькое. Но яблочко оказалось хрустким и сочным, и она пошла дальше, жуя его и выплевывая семечки.

Теперь тропка завела ее в более старый лес. Кругом возвышались клены, ели, сосны. И выше всех вздымался древний дуб с крупными зубчатыми листьями темно-бронзового цвета. Многие листья еще цеплялись за ветви. Дуб был совсем не такой, как южные дубы, к которым она привыкла. Полли и не догадалась бы, что это дуб, если бы не услышала, как мама и дяди зовут его Дубом-Дедушкой.

– Когда мы только поселились здесь, – объяснила бабушка, – большинство дубов засохли от какой-то болезни. А этот вот выжил, и теперь у нас кругом полно молоденьких дубков. Причем все они явно устойчивы к болезням: спасибо Дубу-Дедушке.

Тут она взглянула на дуб и вздрогнула. В тени дуба стоял молодой человек. Он смотрел на нее прозрачно-синими глазами, как будто вобравшими в себя дневной свет. Одет он был во что-то белое и стоял, положив руку на голову палевого пса с большими стоячими ушами, обведенными черной каемкой. Молодой человек приветственно вскинул руку, повернулся и скрылся в лесу. Когда она подошла к дубу, его и след простыл. А она-то думала, что он хочет с ней поговорить! Ей сделалось любопытно.

Поднялся ветер, кроны сосен зашумели, почти как волны, набегающие на пляж на острове Бенн-Сид у побережья Южной Каролины. Там, на острове, остались ее родители, она и сама уехала оттуда совсем недавно. Полли подняла повыше воротник красного анорака, который вытащила из груды одежды, что висела на крючках возле кухонной двери в доме бабушки с дедом. Это был ее любимый анорак, он хорошо сидел на ней, в нем было тепло и уютно, и вдобавок карманы были набиты всякими интересными штучками. Там были маленький, но очень яркий фонарик, ножнички, блокнот в кожаном переплете с фиолетовым фломастером при нем, пригоршня скрепок, английских булавок и резиночек, солнечные очки, собачья галета (интересно, для какой собаки?).

Она села на огромный плоский камень, принесенный ледником, известный в семье как Звездный Валун, и стала смотреть на белые облака, бегущие по небу. Но тут же вскинулась, услышав музыку – высокие, довольно пронзительные звуки дудочки, выводящей народную мелодию. Откуда это? Кому это вздумалось играть на дудке тут, в лесу, где никого нет? Она встала и пошла на звук – мимо Дуба-Дедушки, в том же направлении, куда ушел молодой человек с собакой.

¹ Новая Англия – северо-восточные штаты США, местность, куда прибыли первопоселенцы из Британии; земли, откуда берут начало США как они есть. (Примеч. перев.)

Миновав дуб, Полли увидела другого юношу, с пышными черными волосами и белой, как молоко, кожей. Он сидел на каменной стенке и наигрывал на жестяной дудочке.

– Закари! – изумилась она. – Закари Грей! Ты что тут делаешь?

Молодой человек сунул дудочку в карман своей кожаной куртки, вскочил со стены и бросился ей навстречу с распростертыми объятиями:

– В добрый час при сиянии дня, мисс Полли О'Киф! Закари Грей к вашим услугам!

Девушка отстранилась.

– А я-то думала, ты в Калифорнии, в университете!

– Эй! – Он обвинил рукой ее талию. – Ты, никак, не рада меня видеть?

– Рада, конечно! Но как ты сюда попал? Мало того что в Новую Англию, так еще и сюда, к моим деду с бабушкой...

Он повел ее обратно к стене.

– А я позвонил твоим в Южную Каролину, и они сказали, что ты сейчас у деда с бабушкой. Я заехал поздороваться, а они – твои дед с бабушкой – сказали, что ты пошла гулять и если я пойду в эту сторону, то, может быть, встречу тебя.

Говорил он спокойным, ровным тоном, явно чувствуя себя как дома.

– Ты приехал сюда на машине? Из самой Калифорнии?

Он расхохотался:

– Я тут на практике в адвокатской конторе в Хартфорде, которая специализируется на страховых исках.

Он крепче обхватил ее за талию и, наклонившись, коснулся губами ее губ.

Полли отстранилась:

– Зак, нет!

– А я думал, мы друзья.

– Мы и есть друзья. Именно друзья!

– Я думал, я тебе нравлюсь.

– Нравись. Но нет. Пока нет. Сам же знаешь.

– Как хочешь, Полли. Но я не могу себе позволить ждать слишком долго. – Внезапно взгляд его сделался пустым, губы поджались. Но он тут же улыбнулся напоказ самой обаятельной улыбкой: – Ну что ж, по крайней мере, ты рада меня видеть!

– Да, очень рада!

По правде сказать, Полли была в восторге, но при этом совершенно сбита с толку. Нет, приятно, конечно, что Зак дал себе труд разыскать ее. Они познакомились прошлым летом в Афинах, где Полли провела несколько дней перед тем, как лететь на Кипр, где ей предстояло работать на конференции по литературе и образованию. Это знакомство доставило ей массу впечатлений, полных радости и боли одновременно. Тогда, в Афинах, Закари был с ней чрезвычайно мил. Он водил ее по городу, который очень хорошо знал, катал по окрестностям... Но после того как они простились в аэропорту после окончания конференции, она никак не ожидала когда-нибудь встретить его снова.

– Мне просто не верится! – Она улыбнулась ему.

– Во что, Рыжуля?

– Не зови меня Рыжулей, – машинально отреагировала она. – В то, что ты здесь.

– Ну так посмотри же на меня! Потрогай, в конце концов. Это я, Зак! А что ты тут делаешь?

– Гуляю.

– Да нет, я имею в виду, почему ты живешь у деда с бабушкой?

– Я к ним учиться приехала. Как минимум на несколько месяцев. Они такие классные!

– Я так понимаю, они у тебя знаменитые ученые или вроде того?

– Ну, бабушка вообще нобелевский лауреат. Она занимается микромиром – элементарные частицы и все такое. А дедушка у меня астрофизик. Он знает о пространственно-временном континууме больше, чем кто бы то ни было, не считая Эйнштейна с Хокингом.

– Да-а, ты всегда была мозговитая! И что, ты во всем этом разбираешься?

– Ну так, чуть-чуть! – рассмеялась Полли.

Как ни странно, она обрадовалась, увидев Закари. Нет, бабушка с дедушкой действительно классные, однако она уже давно не общалась ни с кем из своих ровесников и даже не рассчитывала на это.

– Так почему же ты учишься у них, вместо того чтобы ходить в школу у себя дома? – спросил Закари.

– Потому что у нас в Каупертауне точные и естественные науки преподают плохо, а ездить с острова куда-то еще слишком сложно.

– Ну это же не единственная причина?

– А что, этого мало?

В любом случае Закари она больше ничего объяснять не собиралась. По крайней мере, пока. Она отвела взгляд и посмотрела в сторону Звездного Валуна, на вечернее осеннее небо. Косые солнечные лучи тронули облака золотым и розовым, яркие краски осенней листвы сгустились и потемнели. На невысокие горы напозла темно-фиолетовая тень.

Закари посмотрел в ту же сторону:

– Нравятся мне здешние горы. Они так непохожи на калифорнийские!

– Ага, – кивнула Полли. – Эти горы старые, древние, источенные дождями, ветрами и годами. Сразу ощущается глубина пространства и времени.

– А оно тебе надо?

– А кому же не надо?

Слетевший сверху лист запутался в волосах Полли.

Закари снял его своими длинными бледными пальцами.

– Он такого же цвета, как твои волосы. Красиво!

Полли вздохнула:

– А я только-только смирилась с цветом своих волос. Будь у меня выбор, ни за что не выбрала бы морковный!

– Это не морковный. – Закари разжал пальцы, и лист упал на землю. – Это цвет осени.

«Как славно! – подумала Полли. – Каким же он все-таки бывает славным!»

– Знаешь, я первый раз вижу настоящую золотую осень. Я ведь всю жизнь прожила на юге. А это... у меня просто слов нет. Я думала, лучше моря вообще ничего не бывает – и это правда, – но тут...

– И то и другое великолепно по-своему, – сказал Закари. – Папа сейчас живет в Саусалито, у него вид из окна просто головокружительный: бескрайние просторы Тихого океана. Но тут, как ты и сказала, чувствуются глубина и покой. Кстати, – добавил он, – твои дедушка с бабушкой обещали чай и тосты с корицей, если я сумею разыскать тебя и привести домой.

– Да, конечно! – И Полли спрыгнула со стены. Проходя мимо Дуба-Дедушки, она спросила: – Слушай, а кто тот синеглазый парень, которого я здесь видела буквально несколько минут назад?

Зак посмотрел на нее:

– А я думал, он у твоей родни работает. Какой-нибудь садовник, или сторож, или вроде того...

Полли покачала головой.

– Ты что, хочешь сказать, они за всей этой территорией сами ухаживают?

– Ну да. Нет, траву им косит сосед-фермер, но он постарше, а этот человек совсем молодой, да и на фермера не похож...

– А как, по-твоему, должен выглядеть фермер? – рассмеялся Закари. – Хотя да, ты права: в этом парне было что-то аристократическое.

– А ты с ним не разговаривал?

– Нет. И если так подумать, это даже странно. Он посмотрел на меня, я посмотрел на него, и только я собрался что-то сказать, как вдруг он на меня уставился с таким видом, будто абсолютно не ожидал меня увидеть, ну то есть абсолютно. Повернулся и ушел в лес. С ним еще собака была, такая длинноухая, и они оба взяли и исчезли. Нет, не убежали. Но я смотрю – а их уже нету. – Закари пожал плечами. – Я же говорю, я подумал, что это сторож какой-нибудь, а они часто необщительны по натуре. Ты думаешь, это был браконьер? У вас тут водятся фазаны или куропатки?

– И фазаны водятся, и куропатки. И всюду висят таблички «Охота запрещена». На заповедник этот участок, конечно, не тянет: здесь, как и на большинстве здешних старых ферм, всего сотня акров, а то и меньше. Но все равно бабушка с дедушкой хотят, чтобы дикие животные чувствовали себя здесь в безопасности.

– Ладно, ну его, – сказал Закари. – Я шел искать тебя, и я тебя нашел.

– Я очень рада. Правда-правда! – Она улыбнулась ему самой ослепительной улыбкой. – Ну что, идем?

– Конечно! Твои бабушка с дедушкой, наверное, заждались нас.

– Ладно. Тогда пойдем через Звездный Валун.

– «Звездный Валун»?

Полли вспрыгнула на большой плоский камень, принесенный ледником. В трещинах рос мох. Слюда блестела в косых лучах заходящего солнца.

– Он всегда так назывался. Тут здорово лежать и смотреть на звезды. Это любимый камень моей мамы, еще с тех пор, как она была маленькая.

Они миновали валун и зашагали по тропинке, что вела к дому. Полли обратила внимание, что Закари идет медленно, а дышит так, будто только что бежал бегом. Она замедлила шаг, подстраиваясь под него. Под одной из диких яблонь, что росли там и сям, почва была скользкой от морщинистых коричневых яблок. Там висел густой запах гниения. Полли машинально зашагала быстрее и первой очутилась у невысокой каменной стенки, что обозначала границу большого луга к северу от дома. На стене, греясь в последних лучах заката, лежала, свернувшись, огромная черная змея.

– Ух ты! – радостно воскликнула Полли. – Да ведь это же Луиза Большая!

Закари застыл как вкопанный.

– Ты что? Куда ты?! Это же змея! Назад!

– Ой, да она нас не тронет. Это же просто Луиза. Это черный полоз, они не ядовитые, – заверила Полли. – Когда мои дяди, Сэнди с Деннисом – ну, с Сэнди ты встречался в Афинах, – были еще маленькие...

– Твой дядя меня не одобрял. – Закари отступил подальше от стены и змеи.

– Да не тебя, – возразила Полли. – Он не одобрял деятельность твоего папы. Так вот, в этой стене поселилась змея, и мои дяди прозвали ее Луизой Большой.

– Я в змеях не разбираюсь. – Закари отступил еще на шаг. – Я их ужасно боюсь. Но получается, что эта змея невероятно старая?

– Ой, не думаю, что это та самая змея. Мы с бабушкой однажды видели, как она греется тут на солнышке, и она просто вылитая прежняя Луиза Большая, но бабушка говорит, что с тех пор, как дяди уехали из дома, Луиза Большая не показывалась.

– Дурацкое какое-то имя.

Закари по-прежнему избегал приближаться к змее. Вместо этого он прислонился к молодому дубку возле тропы и как будто переводил дыхание.

«Это просто семейная шутка», – подумала Полли. Закари же просто ничего не знает о ее семье, кроме того, что семья у нее большая. И она о нем тоже ничего не знает, кроме того, что мама у него умерла, а отец невообразимо богат... Нет, о Луизе потом.

– Ну что, идем?

– Мимо змеи я не пойду! – проговорил он дрожащим голосом.

– Да не тронет она тебя! – принялась уговаривать Полли. – Честное слово! Она совершенно безобидная. И бабушка ей обрадовалась.

– Шагу дальше не ступлю! – В голосе Закари звучал неподдельный страх.

– Да все нормально, правда же! – затараторила Полли. – К тому же там, где водятся змеи, не бывает крыс, а крысы, между прочим, чуму разносят...

Она осеклась. Змея медленно, важно расплела свои кольца и стекла вниз по каменной стене. Закари, спрятав руки в карманы кожаной куртки, наблюдал за тем, как она исчезает в расщелине стены. Когда последний дюйм хвоста скрылся из виду, Полли сказала:

– Ну вот и все! Пойдем.

– А она обратно не вылезет?

– Не вылезет, она спать ушла, – ответила Полли как можно уверенней, хотя на самом деле ничегошеньки не знала о повадках черных полозов. Тропические змеи, что водились на острове Бенн-Сид, почти все были ядовитые, и от них лучше было держаться подальше. Но Полли положила на уверения бабушки, что Луиза хорошая. Она перебралась через стенку и протянула руку Закари. Тот взял ее за руку и опасно последовал за ней.

– Да *все в порядке!* – Полли потянула его за собой. – Пойдем же!

И они пошли через луг к дому, который Полли уже привыкла называть своим. Это была старая белая ферма, представлявшая собой уютное нагромождение флигелей и пристроек, образовавшихся на протяжении пары столетий. Как и большинство домов, выстроенных двести с лишним лет тому назад в здешних ветреных краях, где зимы долгие и суровые, ферма смотрела фасадом на юг, что обеспечивало защиту от преобладающих северо-западных ветров. К кладовой, которая соединяла кухню с гаражом, примыкал флигель, служивший лабораторией. Изначально, когда на ферме разводили дойных коров, это помещение использовалось в качестве маслобойни: там сбивали масло, рассматривали на свет куриные яйца...

К востоку располагался новый флигель. Его построили уже после того, как Поллины мама и дяди уехали из дома. Во флигеле был крытый бассейн – не очень большой, но достаточно просторный для того, чтобы дедушка мог заниматься плаванием: ему врачи рекомендовали от артрита. Полли, как и большинство детей, выросших на островах, обожала плавать, и за несколько дней она выработала свой собственный режим тренировок: плавала по вечерам, перед ужином, потому что заметила, что по утрам, перед завтраком, дедушка с бабушкой предпочитают плавать одни. В любом случае вдвоем в бассейне плавать нормально, а вот втроем уже тесновато.

В главном доме все комнаты первого этажа соединялись между собой, так что уютная гостиная в форме буквы Г соседствовала с просторным бестолковым помещением, которое служило сразу и кухней, и столовой, и второй гостиной. Полли с Заком подошли к дому с северной стороны, поднялись на ступенчатую веранду, где до сих пор была не убрана летняя мебель.

– Надо будет помочь дедушке отнести все это на зиму в кладовку, – заметила Полли. – А то сейчас уже слишком холодно, чтобы обедать на веранде.

Она повела Закари на кухню. Оттуда приятно тянуло стряпней и дымом яблоневых дров. За овальным столом, на котором стояли чашки и блюдо с коричневыми тостами, сидели четверо. Бабушка, увидев их, встала:

– А, вы все же встретились! Вот и хорошо. Входите, чайник как раз вскипел. Закари, познакомься, это моя старинная подруга, доктор Луиза Колубра, а это ее брат, епископ Нейсон Колубра.

Епископ встал и протянул Закари руку. Он был одет в узкие джинсы и полосатую тенниску. Из-за худобы он казался еще выше, чем был на самом деле. Полли подумала, что он похож на цаплю. На пальце длинной, крепкой руки сверкало крупное золотое кольцо с великолепным топазом, которое особенно бросалось в глаза на фоне простой деревенской одежды.

– Вот, – проговорил епископ, – вышел на пенсию и приехал жить к сестренке.

По сравнению с братом невысокая узкокостная доктор Луиза казалась крохотной. Если епископ напомнил Полли цаплю, то доктор Луиза в своей клетчатой юбке и кардигане смахивала на дрозда. Она тоже пожала руку Закари.

– Кейт Мёрри называет меня своей старой подругой. Хотелось бы знать, что она имеет в виду под «старой»!

– Старую дружбу, конечно, – отвечала Поллина бабушка.

– Доктор Луиза! – Полли села за стол, жестом пригласив Зака занять место рядом. – А мы вашу тещку видели!

– Но ведь это не может быть та самая Луиза Большая? – Доктор взяла тарелку благоухающих тостов с корицей и поставила ее перед Заком.

– Извините, – Закари пристально посмотрел на доктора, – а можно еще раз – как ваше имя?

– Луиза Колубра.

– Понял, понял! – торжествующе воскликнул Зак. – «Colubra» – это же «кобра» полатыни!

– Ну да, верно!

Полли посмотрела на него с восхищением. Закари уже не первый раз демонстрировал великолепную эрудицию. К примеру, Полли помнила, как он ей объяснял, что возможности греческой архитектуры были ограниченными, потому что греки не изобрели арку. Она подошла к буфету и достала кружки для себя и Зака.

– Мои дяди называли змею в честь доктора Луизы.

– Но почему же «Большая»?

Епископ улыбнулся:

– Ну, нашу-то Луизу большой не назовешь. Я так понимаю, змея довольно большая – по крайней мере, для своего вида, – а Луиза не очень.

Полли поставила кружки на стол.

– Все-таки объяснять про Луизу Большую тут, при докторе Луизе, намного проще, чем там, у каменной стены.

На дровяной плите кипел чайник. Крышка на нем подпрыгивала. Поллин дедушка взял его прихваткой и долил кипятку в заварочный чайник.

– Чай перестоялся. Лучше разбавить.

Он поставил чайник обратно на плиту и налил чаю Полли и Закари.

Епископ протянул руку через стол и взял себе коричный тост.

– Собственно, мы к вам заявили потому, – сказал он, проглотив кусок тоста, – что я нашел еще один.

Он указал на предмет, смахивающий на буханку хлеба, который лежал рядом с кружкой Поллиного дедушки.

– На камень похоже, – заметила Полли.

– Это и есть камень, – подтвердил епископ. – Обычный камень из обычной стенки. Но нет. Посмотрите внимательней!

Полли показалось, что она видит на камне какие-то линии. Да нет – скорее всего, это просто царапины, появившиеся, когда старая стена оседала или ее вело во время морозов...

Однако Закари осторожно провел пальцами вдоль царапин:

– Да ведь это же огамические письмена!

Епископ расплылся в удивленной и радостной улыбке:

– Именно, молодой человек, именно! А вы откуда знаете?

– Один из моих начальников в Хартфорде интересуется такими камнями. А я там чуть с ума не сходил от скуки, в этом душном офисе, и рад был любой возможности поболтать. Лучше уж про огамические письма, чем про дела о врачебной халатности. – При этих его словах доктор Луиза заметно напряглась. – А потом, – продолжил Зак, – интересно же: неужели люди из Британии бывали тут, на Северо-Американском континенте, целых... целых три тысячи лет тому назад?

– И тебя выгоняли из крутых частных школ за неуспеваемость? – удивилась Полли.

Он улыбнулся и отпил чаю:

– Ну, если мне что-то интересно, я это запоминаю!

Он протянул кружку, и Полли налила ему еще.

Поставив чайник на стол, она осторожно потрогала камень:

– Так это такая письменность?

– Угу! – ответил епископ, пережевывая кусок тоста.

– И она называется о... о...

– Огамические письма.

– А что тут написано?

– Ну, если я перевел все правильно, что-то о Венере, мирных урожаях и милостивом правлении. А вы как думаете, молодой человек?

Закари покачал головой:

– Да я же впервые в жизни вижу настоящий огамический камень. У моего шефа есть кое-какие фотографии, но он-то в основном интересуется теорией – кельтами, друидами, которые жили бок о бок с туземцами и, может быть, даже в браки вступали...

Полли пригляделась внимательнее. Она с трудом разобрала пару горизонтальных линий, от которых вверх и вниз отходили какие-то отметины.

– Какой-нибудь фермер использовал этот камень для постройки стены и даже ничего не заметил?

Бабушка поставила на стол новое блюдо с тостами и забрала пустое. Аромат корицы смешивался с душистым дымком из камина.

– Двести лет назад фермеры всеми силами боролись за выживание. Да и сегодня – многие ли фермеры дают себе труд приглядеться к тем камням, которые по весне выворачивают из земли? – спросил дедушка.

– И все равно это пока что наш самый обильный урожай, – встала доктор Луиза.

Поллин дедушка привычным жестом подвинул повыше очки:

– А если бы они даже и увидели значки на камнях и поняли, что это не случайные царапины, все равно не имели бы ни малейшего представления, что они означают.

– А ты что, имеешь? – рассмеялась его жена.

Он рассмеялся в ответ:

– Ладно, сдаюсь! Если бы не Нейс, я бы так и пребывал в блаженном неведении.

– Ну, у вас такая работа, – улыбнулась доктор Луиза, – что вы вечно витаете где-то среди звезд!

– Надо вам сказать, Луиза, что у астрофизиков обычно нет времени глазеть на звезды.

– Нейс, а где вы нашли этот камень? – поинтересовалась миссис Мёрри, садясь за стол и наливая себе еще чаю.

– В той самой каменной стенке, через которую надо перелезть, когда идешь к Звездному Валу.

– В той стенке, где живет Луиза Большая! – воскликнула Полли. Ну конечно, почему бы епископу и не знать про Звездный Валун? Это же было любимое место всей семьи Мёрри, а не только ее мамы!

– Первые поселенцы, – продолжал епископ, – были так заняты, расчищая поля! Неудивительно, что они не обращали внимания на камни с огамическими письменами.

– Огамические письмена – это был такой алфавит, – пояснил Зак Полли. – Кельтский алфавит с пятнадцатью согласными и несколькими гласными. И еще несколько знаков для дифтонгов или двойных согласных, например ng.

– Однако же огамический язык был больше устным, чем письменным, – добавил епископ. – Интересно было бы твоему шефу взглянуть на этот камень?

– Да у него челюсть отвалится! – ухмыльнулся Зак. – Но только я ему ничего не скажу. А то он явится сюда и захочет заграбастать все себе. Нетушки!

Он посмотрел на часы и встал:

– Ну вот что, у вас тут чудесно, и я очень рад со всеми вами познакомиться, но только я совсем забыл про время, а мне надо к ужину быть в Хартфорде. Можно, я еще как-нибудь заеду?

– Ну конечно! – Миссис Мёрри тоже встала. – В любое время! А то Полли тут никого и не видит, кроме нас, четырех ископаемых.

– Никакие вы не ископаемые!.. – начала было Полли.

Но бабушка продолжала:

– Тут у нас по соседству мало молодежи, и мы все переживаем из-за этого.

– Приезжай на выходных, – предложил мистер Мёрри.

– Да, Зак, приезжай! – поддакнула Полли.

– На самом деле до выходных ждать не обязательно, – ответил Закари. – Я свободен по четвергам после обеда.

Он посмотрел на Полли, Полли улыбнулась ему.

– Я приеду в четверг, можно? Тут и езды-то чуть больше часа. К двум я уже буду у вас!

– Конечно! Будем ждать.

Чета Мёрри и Полли проводили Зака из кухни мимо лаборатории миссис Мёрри и через гараж на улицу. Красная спортивная машинка Зака была припаркована рядом с ярко-голубым пикапом.

– Радость и гордость Нейса! – кивнула на пикап миссис Мёрри. – Он водит как сумасшедший. Приятно было познакомиться, Закари! Ждем тебя в четверг.

Закари пожал руки бабушке с бабушкой и мимоходом поцеловал Полли.

– Какой славный молодой человек, – промолвила миссис Мёрри, когда они возвращались в дом.

На кухне епископ эхом повторил ее слова:

– Какой приятный юноша!

– Не удивительно ли, – заметила миссис Мёрри, – что он знает об огамических камнях?

– О них выходила пара статей в хартфордских изданиях, – сообщила доктор Луиза. – Но юноша и в самом деле умный и обаятельный. Только чересчур бледный. Похоже, он слишком мало бывает на свежем воздухе. Где ты с ним познакомилась, Полли?

Полли присела на корточки перед камином.

– Я с ним познакомилась прошлым летом в Афинах, по дороге на конференцию на Кипре.

– А сам он откуда?

– Он из Калифорнии, его отец занимается всяким крупным международным бизнесом. Так что, когда Закари путешествует по Европе, он не ездит с рюкзаком, а останавливается в лучших отелях. Но, по-моему, он довольно одинок.

– Он сейчас в колледже учится?

– Да. Зак довольно поздно поступил в колледж. Он плохо учился в школе, потому что ему было скучно и он не видел смысла стараться.

Котенок-подросток выбрался из кладовки, пересек кухню и запрыгнул на колени к Полли. Та потеряла равновесие и села на пол.

– Где же ты был, Адрон? – спросила Полли, почесывая за ухом полосатую головку.

Доктор Луиза вскинула брови:

– Самое подходящее имя для кота физика, занимающегося элементарными частицами!

– А я подумал, что это вариант имени Адрон, – мягко заметил епископ.

– Или что мы его неправильно произносим? – предположила миссис Мёрри.

– Это тоже название какой-то элементарной частицы, да? – осведомился епископ со вздохом.

– Кейт, а почему бы вам с Алексом не завести новую собаку? – спросила доктор Луиза.

– Ананда дожила до шестнадцати. Не так уж давно мы без собаки.

– Все-таки без собаки у вас тут чего-то не хватает.

– Вот и Сэнди с Деннисом то же самое твердят. – Миссис Мёрри отошла от плиты и принялась задергивать занавески на широких окнах кухни. – Но мы же собак никогда нарочно не заводили. Они как-то сами заводятся.

Полли блаженно вздохнула и уселась поудобнее. Она любила своих дедушку с бабушкой, доктора Луизу и епископа за то, что они поддерживали ее, вселяли в нее веру в безграничность собственных возможностей. Дома, на острове Бенн-Сид, Полли была старшей дочерью в большой семье. А тут она оказалась единственной, со всеми привилегиями единственного ребенка. Она подняла голову и проводила взглядом дедушку, который взял огамический камень и положил его на буфет.

– Три тысячи лет... – сказал он. – Для Галактики это не так уж и много, но для человека это огромный срок. Давно минувшие времена с нашей, ограниченной точки зрения. Но когда отправляешься в космос, обыденные понятия времени и пространства теряют смысл. Мы еще очень многого не знаем о времени. Нам никогда не вырваться за пределы Солнечной системы, пока мы будем думать о времени как о реке, текущей только в одном направлении, к морю.

Он погладил камень.

– А другие огамические камни ты находил? – спросила Полли.

– Я – нет. Нейс находил. Знаешь, Нейс, ведь Полли могла бы тебе помочь с переводом. У нее настоящий талант к языкам.

Полли залилась краской:

– Ну, дедушка, я же просто...

– Ты знаешь португальский, испанский, итальянский и французский. Разве нет?

– Ну да, но...

– А ты же вроде бы еще и китайский учила?

Тут Полли рассмеялась:

– Ну, может, и за китайский со временем возьмусь. Я правда люблю языки. Вон, прошлым летом я немножко подучила греческий...

Миссис Мёрри зажгла две керосиновые лампы, стоящие на столе по обе стороны от горшка с геранью.

– Полли скромничает. Все, кто ее знает, – и родители, и дяди – сходятся на том, что у нее удивительные способности к языкам. – Тут она, к облегчению Полли, сменила тему: – Луиза, Нейс, а вы ужинать-то останетесь?

Доктор покачала головой:

– Да нет, мы лучше домой. А то в темноте Нейс водит машину, как адская летучая мышь.

– Луиза, ну в самом деле!..

– Я приготовила огромную кастрюлю куриного рагу и овощи. Оно сейчас доходит на бунзеновской горелке в лаборатории. Если вы не поможете, мы с ним и за неделю не управимся!

– Неудобно как-то: вечно вы нас угощаете...

– А давай мы сегодня посуду помоем, – предложил епископ. – Устроим Полли и Алексу выходной!

– Договорились, – ухватился за эту идею мистер Мёрри.

Доктор Луиза вскинула руки.

– Ну все, сдаюсь! Алекс, Кейт, – она указала на огамический камень, – а вы в самом деле все это принимаете всерьез?

– Как ни странно, да, – ответил мистер Мёрри. – И кельтов, и друидов, и все прочее. Кейт все еще сомневается, но...

– Но нам в свое время приходилось принимать всерьез куда более странные вещи, – закончила миссис Мёрри, направляясь к двери. – Я пошла за кастрюлей. Пусть дойдет тут, на кухне.

– Там, в лаборатории, такая холодина! – Полли поежилась. – Бабушка сегодня утром мне показывала, как работать с газовым хроматографом, но у меня на носу выросли сосульки, и она отправила меня греться. Дядя Сэнди обзывает меня болотным цветком.

– Все равно все эти приборы у твоей бабушки только для виду, – с улыбкой произнесла доктор Луиза. – Настоящая-то работа идет у нее в голове.

– Ну, без бунзеновской горелки мне все равно никак не обойтись. Полли, может, пойдешь поплаваешь? Бассейн у нас самое теплое место в доме, сама знаешь.

Это было время ежевечерних тренировок Полли. Она охотно согласилась. Ей нравилось плавать в темноте, при свете звезд и молодого месяца. Плавать и думать.

– Увидимся за ужином!

Она встала и сбросила с колен упирающегося Адрона.

Полли поднялась наверх. В первый день, когда дедушка с бабушкой водили ее по дому, она еще не знала, где ее поселят. Любимой маминей комнатой была мансарда, где стояла просторная латунная кровать, – родители Полли ночевали там во время своих нечастых визитов. На втором этаже располагалась комната бабушки с дедушкой, с величественной кроватью под балдахином. Напротив была комната дядей, Сэнди и Денниса, с их старыми узкими кроватями. В тех редких случаях, когда вся большая семья собиралась вместе, все кровати пригодились. Имелась и еще одна комната, где тоже можно было бы устроить спальню, но там находился дедушкин кабинет, с книжными шкафами, обшарпанным секретером и диваном-кроватью, на случай наплыва гостей. И еще комната дяди Чарльза Уоллеса – самого младшего из маминых братьев.

Полли испытывала довольно неприятное чувство, что в доме дедушки с бабушкой у нее нет и не будет своей комнаты. Несмотря на то что у нее было шестеро братьев и сестер, она привыкла, что у нее есть собственная комната, где лежат ее вещи. У каждого из детей О'Кифов была своя комната, пусть и крошечная: мама с папой считали, что в большой семье ребенку особенно важно иметь свое личное пространство.

Поднимаясь по лестнице, бабушка сказала:

– Мы немного прибрались в комнате Чарльза Уоллеса. Она небольшая, но, думаю, тебе там понравится.

«Прибрались» – это слабо сказано. Комната имела такой вид, будто дедушка с бабушкой уже давно знали о приезде внучки, хотя решение было принято буквально только что, всего за три дня до того, как Полли посадили на самолет. Когда речь шла о решительных действиях, ее родители не имели обыкновения тянуть резину.

Полли переступила порог, и ей показалось, будто комната ждала именно ее. Широкое окно выходило в огород, за огородом виднелся большой скошенный луг, а за ним – леса и покатые хребты гор. Спокойный, мирный пейзаж – не впечатляющий, но уютный и приятный, такой, где хочется жить, и в то же время достаточно простора и глубины, чтобы пространство выглядело объемным. А второе окно выходило на восток – там был яблоневый сад, а за ним опять леса. На стенах – старомодные обои, голубые, с россыпью ромашек, похожих на звездочки, среди которых изредка попадались яркие бабочки, и на окнах – занавески того же цвета, но на них бабочек было больше, чем на обоях.

У окна, выходящего на восток, стояли шкаф, набитый книгами, и кресло-качалка. Книги были собраны с бору по сосенке: несколько томов мифов и сказок, несколько книг по истории Греции и Рима, собрание романов, от классики, вроде «Истории Тома Джонса, найденныша» Генри Филдинга или «Горна радости» Мэттью Мэддокса², до современной беллетристики. Полли достала с полки книгу о созвездиях, с линиями, которые соединяли звезды, образуя знаки зодиака. «Какое же воображение надо было иметь, – подумала Полли, – чтобы разглядеть в этих звездах Большую и Малую Медведицу или Стрельца с луком и стрелой!» В общем, тут было что почитать, и это ее порадовало.

Пол был сделан из широких вишневых досок, по обе стороны светлой сосновой кровати лежали вязаные половики, а сама кровать была застелена желто-голубым лоскутным одеялом. Но больше всего Полли понравилось то, что комната была милая, но не «миленькая». Она подумала, что Чарльзу тут, наверное, тоже нравилось.

Она обернулась к бабушке:

– Как же тут здорово! Когда вы все это успели?

– Прошлым летом.

Прошлым летом дедушка с бабушкой еще и не подозревали, что к ним приедет жить Полли. Но все-таки она чувствовала себя так, будто эта комнатка – ее, и только ее.

– Мне тут так нравится! Ой, бабушка, как же мне тут нравится!

Она позвонила родителям, описала комнату. Бабушка с дедушкой вышли, чтобы не мешать разговору, и она сказала:

– Мне так нравятся бабушка и дедушка! Видели бы вы дедушку за рулем его красного трактора. И он совсем не страшный!

В трубке раздался смех:

– А ты что, думала, он будет страшный?

– Ну как... он же столько знает об астрофизике, о космосе, с ним советуются президенты и всякие там важные шишки... Но с ним очень легко разговаривать. Ну, он же мой дедушка, и, по-моему, он классный.

– Я так понимаю, что это взаимно.

– И бабушка тоже совсем не страшная.

Родители (Полли так и представила себе, как мама валяется на животе поперек кровати, а папа сидит на лабораторном стуле среди своих аквариумов с осьминогами и морскими звездами) оба расхохотались.

– Ну вы же о ней всегда так почтительно отзываетесь! – сказала Полли.

– Это же не значит, что она страшная!

– И потом, она же Нобелевскую премию получила...

² «История Тома Джонса, найденныша» – реально существующее произведение классика английской литературы Генри Филдинга, в то время как «Горна радости» Мэттью Мэддокса – вымышленное произведение вымышленного автора, ранее уже упомянутое в одном из романов настоящей серии, «Быстро вращается планета». (Примеч. перев.)

– Полли, твоя бабушка, конечно, великий человек, – рассудительно заметил папа, – однако она скорее предпочтет, чтобы ты ее просто любила, а не восхищалась ее заслугами.

Полли кивнула в телефонную трубку:

– Да я люблю ее. Просто у меня до сих пор не было возможности как следует познакомиться с бабушкой и дедушкой. Мы же так долго прожили в Португалии, а остров Бенн-Сид отсюда немногим ближе, чем Португалия. Мы, конечно, несколько раз бывали у них в гостях, но этого мало. Все равно я их побаивалась.

– Они хорошие люди, – сказал папа. – Талантливые, может быть – даже гениальные. Но все равно люди. Они были очень, очень добры ко мне, когда я был еще мальчиком.

– Самое время с ними познакомиться, – добавила мама. – Будь счастлива, Полли!

И она была счастлива. Просто как маленькая. Не то чтобы ей в самом деле хотелось снова стать маленькой и лишиться всего, что она приобрела с возрастом, но тут, у бабушки с дедушкой, можно было расслабиться и полностью стать самой собой.

Полли взяла в ванной свой купальник и пошла к себе в комнату. Она слышала шаги внизу, потом кто-то включил музыку, квинтет «Форель» Шуберта, и прелестная мелодия поплыла к ней наверх.

Она оставила джинсы и водолазку кучкой на полу, натянула купальник, накинула махровый халат и спустилась вниз, к бассейну. Повесила халат на вешалку для полотенец, подождала, пока глаза привыкнут к темноте, соскользнула в воду и поплыла. Плавала она аккуратно, почти без всплесков, от стенки до стенки и обратно. Потом легла на спину и стала смотреть в окна на потолке. Вон зажглась звездочка, а вон и вторая... Полли повернулась на бок и поплыла, сонно и расслабленно. И тут до нее долетел слабый звук – какой-то шорох, какое-то царапанье. Полли застыла, прислушиваясь. Звук доносился от одного из северных окон, что начинались от пола и доходили до самого карниза.

За окном ничего не было видно. А царапанье сменилось негромким стуком. Полли выбралась на бортик бассейна и подошла к окну. От окна до земли было футов пять. И в вечерних сумерках Полли едва разглядела девушку, которая стояла на цыпочках и смотрела на нее. Примерно одного возраста с Полли, с черными волосами, заплетенными в косу, переброшенную через плечо. На шее у нее был серебряный обруч с каплевидным камушком.

– Привет! – проговорила Полли сквозь темное стекло.

Девушка улыбнулась и подняла руку, чтобы постучать еще раз. Полли открыла окно.

– Можно войти? – спросила девушка.

Полли потянула нижнюю половинку окна, и она тоже отворилась.

Девушка подпрыгнула, ухватилась за подоконник, подтянулась и забралась в комнату. Вслед за ней ворвался порыв ветра. Полли поспешно захлопнула обе створки окна. Девушка выглядела ровесницей Полли и обладала необычной, экзотической красотой: медово-золотистая кожа и глаза такие черные, что даже зрачков почти не видно.

– Прошу прощения, что позволила себе явиться столь бесцеремонно, – очень вежливо сказала девушка. – Карралис видел тебя сегодня днем.

Она говорила с легким акцентом. Полли никак не могла определить, что это за акцент.

– Карралис?

– Ну да. У дуба, с собакой.

– А что же он не поздоровался? – поинтересовалась Полли.

Девушка покачала головой:

– Не так уж часто бывает дано видеть иные круги времени. Но мы с Карралисом поговорили и подумали, что мне стоит сходить сюда, в место силы. Мы подумали, что ты, должно быть, нарочно послана нам в это странное и трудное... – Она осеклась – где-то в доме хлопнула дверь. Девушка зажала рот ладонью. И шепотом добавила: – Мне надо уйти. Пожалуйста!..

Она выглядела такой напуганной, что Полли поспешно открыла окно.

– Но кто же ты?

Однако девушка уже легко прыгнула на землю и побежала к лесу, стремительно, будто дикое животное.

Глава вторая

Ерунда какая-то получается... Полли накинула халат и побежала на кухню, надеясь, что там ей все объяснят. Но объяснять было некому: похоже, все ушли в лабораторию. А в лаборатории было чересчур холодно для теплолюбивого болотного цветка в мокром купальнике и влажном халате.

А родители еще переживали, что ей тут будет одиноко без ровесников! И вот пожалуйста – за один день она встретила сразу троих: того голубоглазого молодого человека возле дуба – хотя он, пожалуй, на несколько лет старше ее, – Закари и теперь еще эту непонятную девушку.

Наверху, у нее в комнате, полосатый котенок разлегся посреди кровати. Это было одно из его любимых мест. Полли взяла его на руки, прижала к себе, и он замурлыкал: ему нравилась ее влажная теплота.

– Но кто же она такая? – проговорила Полли. – И что она имела в виду?

Девушка слишком сильно прижала к себе котенка, он спрыгнул у нее с рук и удалился из комнаты, высоко задрав буро-янтарный хвост.

Полли переоделась и спустилась вниз. Епископ был на кухне. Он восседал у камина в одном из потертых, но уютных кресел. Полли присоединилась к нему.

– Что случилось? – осведомился он.

– Да так, ничего. Просто странно. Я плавала в бассейне, и вдруг в окно постучались. Я вылезла из бассейна, гляжу – а там девушка, примерно моя ровесница, с длинной черной косой, и глаза такие удивительные, необычные. Я ее впустила, а она... она понесла какую-то ерунду.

– Ну-ну, дальше? – Епископ весь обратился в слух.

– Сегодня у Дуба-Дедушки, ну, вы знаете, о чем речь...

– Знаю.

– ...Я видела молодого человека с собакой. Девушка сказала, что этот человек с собакой тоже меня видел, и еще что-то про какие-то круги времени, а потом услышала шум, испугалась и убежала. Как вы думаете, что это за девушка такая?

Епископ ничего не ответил, он смотрел на Полли, и выражение лица у него было какое-то странное, почти ошеломленное.

– Епископ!

– Ну, дорогая моя... – Он откашлялся. – М-да... Странная история. Очень, очень странная.

– Наверное, надо рассказать бабушке с дедушкой?

Он замялся. Снова кашлянул.

– Да, наверное...

Полли кивнула. Она доверяла епископу. Он был не из тех церковников, которые нашли себе непыльную работенку и радуются. Бабушка с дедушкой ей рассказывали, что он несколько лет провел в лесах Амазонки, преподавал в семинарии в Китае, а в Перу за его голову была назначена награда. Имея дело с так называемыми первобытными людьми, он не навязывал им свои взгляды, а больше слушал. Он умел уважать чужое мнение.

Полли была так поглощена своей историей, что даже не заметила, насколько ее рассказ выбил епископа из колеи.

– Полли, – заговорил он, – Расскажи мне поподробнее про этого молодого человека с собакой. – Голос у него слегка дрожал.

– Он стоял под Дубом-Дедушкой. У него были ярко-синие глаза.

– А собака как выглядела?

– Ну просто крупная собака, длинноухая такая. Не породистая какая-нибудь. Да я и видела-то их всего несколько секунд.

– А девушка? Девушку можешь описать?

– Ну... только то, что я уже говорила. Длинная черная коса, черные глаза. Красивая и странная.

– Да... – сказал епископ. – О да... – Голос его прозвучал тихо и озабоченно.

Полли наконец поняла, что его нечто встревожило.

– А вы знаете, кто она такая?

– Может быть... Но я же не могу знать наверняка! – Он помолчал, потом отрывисто сказал: – Да, странная история, очень странная. Правильно делает твой дедушка, что отваживает посторонних. – Его взгляд внезапно сделался отстраненным.

Мистер Мёрри, вышедший из кладовки, услышал последние слова епископа.

– Верно, верно, Нейс! Меня устраивает, когда через стенки сигают олени и лисы, но не всякие там зеваки и ротозеи. Нам пришлось оборудовать в лаборатории безбожно дорогую сигнализацию. Луиза права: большая часть приборов Кейт годами простаивает без дела. Но компьютеры – это совсем другая история! – Он направился в сторону плиты, потом обернулся к Полли: – В лабораторию вламывались уже дважды. Один раз украли никому не нужный микроскоп, а вот во второй раз твоя бабушка потеряла плоды недельных трудов, потому что кто-то – скорее всего, ребяташки местные, вряд ли кто-нибудь, кто что-то понимает в ее работе, – побаловался с компьютером. – Мистер Мёрри открыл маленькую духовку в дровяной печи, и кухня наполнилась ароматом свежеевыпеченного хлеба. – Хлеб на бунзеновской горелке не испечешь, так что это моя работа – и лечение вдобавок. Месить тесто полезно для ревматических пальцев.

Следом за ним на кухню пришли миссис Мёрри и доктор Луиза. Миссис Мёрри зажгла свечки в дополнение к керосиновым лампам и выключила свет. Доктор Луиза поставила на стол здоровенную кастрюлю с куриным рагу миссис Мёрри, а сама миссис Мёрри сняла с плиты горшок с поздними осенними овощами: брокколи, цветной капустой, брюссельской капустой, репчатым луком, морковкой, луком-пореем... Епископ одобрительно принялся.

– Близнецы в свое время роскошный огород развели, – сказала миссис Мёрри. – Нам до них далеко, но Алекс на удивление неплохо справляется.

– Ты имеешь в виду, неплохо для старой развалины, – добавил мистер Мёрри.

– Ну, если не считать артрита, вы недурно сохранились, – заметила доктор Луиза. – Хотела бы я, чтобы кое-кто из моих пациентов лет на десять моложе вас чувствовал себя так же прилично.

Все уселись за стол, благословили трапезу и наполнили тарелки. Полли следила за епископом. Они на миг встретились глазами – он тут же отвел взгляд, и вид у него сделался отсутствующий. Однако Полли показалось, что он едва заметно кивнул ей. И она заговорила:

– Я тут сегодня видела кое-кого странного.

– Кого? – спросил дедушка.

– Ты не про Закари, часом? – рассмеялась доктор Луиза.

Полли покачала головой и описала молодого человека с собакой и ту девушку.

– Закари подумал, что он, наверное, сторож или лесник какой-нибудь...

Епископ слегка поперхнулся и встал налить себе воды. Откашлявшись, он спросил:

– Так ты говоришь, Закари его тоже видел?

– Ну да. Он же тоже там был. Но тот молодой человек не разговаривал ни с ним, ни со мной.

– Надеюсь, это не охотник какой-нибудь, – сказал мистер Мёрри. – Мы уж тут повешали объявлений, что охота запрещена...

– Ну, ружья при нем не было, это точно. А сейчас охотничий сезон или нет?

– На наших землях охотничьего сезона не бывает, – заявил дедушка. – А ты не пробовала с ним заговорить? Спросить, что он тут делает?

– Нет. Я просто не успела. Я только увидела, как он на меня посмотрел, а когда я подошла к дереву, его уже не было.

– А что за девушка-то? – спросила миссис Мёрри.

Полли покосилась на епископа. Взгляд у него по-прежнему был отсутствующий, лицо непроницаемое. Полли еще раз описала, как выглядела та девушка.

– На самом деле я не думаю, что это браконьеры, вандалы или хулиганы какие-нибудь. Они просто таинственные.

– Нет уж, хватит с меня тайн! – Сказанное мистером Мёрри прозвучало неожиданно резко.

Епископ не сводил взгляда с огамического камня, который лежал на буфете рядом с разнокалиберными кружками, мисками, соусником, молотком для мяса и рулончиком марок.

– Ну, может быть, Полли с ними подружится? – беспечным тоном предположила миссис Мёрри.

– Девушка, кажется, моя ровесница, – сказала Полли. – На ней была шикарная замшевая одежда – в бутике все это стоило бы целое состояние – и такой как бы серебряный обруч с очень красивым камушком.

Миссис Мёрри рассмеялась:

– Твоя мама говорила, что у тебя наконец-то появился интерес к одежде! Приятно видеть, что она не ошиблась.

– Ну, у меня просто не было повода носить что-то, кроме джинсов! – слегка обиженно возразила Полли.

– Серебряный обруч... – произнес епископ, словно говоря сам с собой. – Гривна... – И принялся деловито уплетать овощи.

Миссис Мёрри его услышала.

– Гривна? – переспросила она. И обернулась к Полли: – У Нейсона есть книга о древнем кузнечном мастерстве, с роскошными фотографиями. Быть может, первые друиды жили в каменном веке, однако были же в Британии и мастера, работавшие с металлом, или хотя бы бывали проездом. А сами друиды великолепно разбирались в астрономии. И они, а также вожди племен носили замысловатые гривны.

– Колесо моды сделало полный оборот, – заметила доктор Луиза. – И многому ли мы научились со времен каменного века, если речь идет о том, чтобы жить в мире?

Мистер Мёрри посмотрел на жену:

– В книге Нейсона есть изображение великолепной серебряной гривны. Хотел бы я добыть такую тебе, Кейт! Она была бы тебе так к лицу...

Полли взглянула на бабушку в скромной деревенской одежде и попыталась вообразить ее в великолепном серебряном ожерелье. Представить это было совсем не трудно. Полли не раз слышала, что ее бабушка была красавицей, и, глядя на точеные черты лица пожилой женщины, на короткие, стильно подстриженные седые волосы, на изящный изгиб тонкой шеи, на выразительные глаза в окружении множества морщин, оставленных смехом и скорбью и нескучно прожитой жизнью, она подумала, что бабушка и до сих пор красавица, и ей стало приятно, что дедушке хочется добыть для жены ожерелье.

На десерт миссис Мёрри вынула из морозилки черничный пирог. Сейчас она достала его из плиты шкварчащим и пузырящимся.

– Это я не сама делала, – объяснила она. – У нас в церкви каждое лето устраивают черничный фестиваль, и я всегда покупаю про запас с полдюжины готовых пирогов, чтобы были под рукой на всякий случай. – Она разрезала пирог, фиолетовый сок брызнул на блюдо, запахло летом. – Знаешь, Полли, я даже выразить не могу, как я рада, что появился этот твой Закари. А то тебе ведь, наверное, тяжело тут одной, без друзей.

Полли взяла кусок пирога.

– Ну, у себя на островах мы привыкли к одиночеству. Мы с друзьями и дома виделись нечасто.

– Мне так повезло, что Луиза живет всего в нескольких милях отсюда! Мы же с ней с самого колледжа дружим.

«Да, – подумала Полли, – бабушке повезло, что у нее есть доктор Луиза!» Вот у нее никогда не было подружки-ровесницы... Она мимоходом подумала о той девушке у бассейна.

Полли с епископом вместе принялись мыть посуду. Все остальные ушли и сели у камина в гостиной по настоянию миссис Мёрри, которая заявила, что они и так слишком много времени проводят на кухне.

– Ну так что, девушка с островов, – заговорил епископ, – нравится тебе тут?

– Нравится, спасибо.

Ей хотелось поподробнее расспросить о том человеке с собакой и девушке у бассейна, но было ясно, что епископ нарочно старается увести разговор в сторону от этой темы. Она взяла у него тарелку, которую он сполоснул под краном, и положила ее в посудомойку.

– Сестра меня приучила все мыть с мылом, даже если оно потом пойдет в посудомойку. Так что ты аккуратнее, тарелки скользкие.

– Ладно.

– Твой молодой человек...

– Закари. Закари Грей.

– Что-то он неважно выглядит.

– Да он всегда такой бледный. Прошлым летом в Греции все загорели, один Закари ходил бледный. Хотя, думаю, он не так уж много бывает на солнце. Он не очень-то спортивный.

– А как оно было прошлым летом? – полюбопытствовал епископ, выжимая губку.

Полли складывала в корзину посудомойки ложки и вилки.

– Прошлым летом было чудесно! Мне так понравились Афины, а конференция на Кипре стоила целого года в школе! Это Макс... Максимилиана Хорн все организовала. И она умерла незадолго до того, как я вернулась домой...

– Да, твои бабушка с дедушкой мне рассказывали, – кивнул епископ. – Ты по ней до сих пор горюешь?

Полли принялась вытирать ножи: ножи были старинные, серебряные, с приклеенными ручками, и их нельзя было класть в посудомойку.

– Дома было тяжелее: там все напоминало мне о Макс. Вы ее знали?

Епископ спустил из раковины мыльную воду.

– Мне про нее твой дядя Сэнди рассказывал. Они очень дружили.

– Ну да. Сэнди нас и познакомил.

Горло неожиданно сдавило.

Епископ, вместо того чтобы присоединиться к остальным в гостиной, подошел к камину и опустился в одно из потертых кресел. Полли последовала его примеру. Стоило ей сесть, откуда ни возьмись появился Адрон, вспрыгнул ей на колени и замурлыкал.

– Скажите, господин епископ, а эти молодой человек с девушкой...

Но тут на кухню, зевая, вошла доктор Луиза:

– Ну что, управились с посудой?

– И с мылом тоже, – заверил ее епископ.

– Тогда нам пора домой.

Полли и ее дедушка с бабушкой вышли на улицу проводить брата и сестру Колубра. Среди небольших клочковатых облаков ярко сияли звезды. В ветвях раскидистого клена запуталась луна.

Епископ сел за руль голубого пикапа, и машина, взвизгнув шинами, сорвалась с места.

Бабушка Полли повернулась, чтобы уйти в дом.

– Мы пойдем немного поплаваем. Я потом загляну пожелать тебе спокойной ночи.

У Полли с бабушкой уже завелся приятный обычай: когда Полли ложилась спать, бабушка заходила к ней немного поболтать перед сном.

Полли торопливо приняла душ – в ванной было жутко холодно! – натянула фланелевую ночную рубашку и, забравшись в постель, закуталась в одеяло. Она прочла несколько страниц из книги, которую дал дедушка. В книге шла речь о «белых дырах» – космических фонтанах, противоположности черных дыр. Да, дедушка с бабушкой действительно заботились о ее образовании. Но пожалуй, неудивительно, что дедушка так и не заметил странных значков на камнях в своих стенах...

Когда пришла бабушка, Полли отложила книжку на тумбочку. Миссис Мёрри присела на край кровати.

– Приятный был вечер. Хорошо, что Нейс поселился с Луизой. У нас с дедушкой такое чувство, будто мы всю его жизнь знаем. Он был хорошим епископом. Он мягкий, сострада- тельный и умеет слушать.

Полли села повыше на подушках.

– Да, у меня такое чувство, что ему можно рассказать все, что угодно, и он не будет шокирован.

– И никогда не выдаст доверенную ему тайну.

– Ба, – Полли села в кровати, – меня кое-что беспокоит.

– Что, моя радость?

– Ну, меня же вроде как посадили вам на шею, нет?

– Ой, Полли! Мы с твоим дедушкой – люди достаточно разумные и самостоятельные. Если бы мы не хотели, чтобы ты тут жила, мы бы так и сказали. Но мы себя чувствовали обездоленными оттого, что так мало видимся с внуками. Нам очень приятно, что ты живешь с нами. Конечно, ты привыкла к совсем другой жизни.

– Ой, ба, мне у вас нравится! Тут правда хорошо. Бабушка, а почему мама завела так много детей?

– А ты что, предпочла бы, чтобы кто-то из вас не родился?

– Нет, но...

– Но это не ответ на твой вопрос. – Миссис Мёрри взъерошила свои волосы, еще влажные после бассейна. – Если женщина имеет право сделать карьеру, она точно так же имеет право решить, что ее главное призвание – это семья.

– И мама тоже так решила?

– Отчасти. – Бабушка вздохнула. – Но наверное, отчасти дело во мне.

– В тебе? Почему?

– Я ученый, Полли, и очень известна в своей области.

– Ну да. Но мама... – Полли осеклась. – Ты хочешь сказать, что она, возможно, не хотела соперничать с тобой?

– Возможно, отчасти дело в этом.

– Ты хочешь сказать, она боялась, что ей не по плечу с тобой состязаться?

– У твоей мамы всегда была низкая самооценка. Она очень счастлива с твоим папой и, в целом, с вами, детьми. Но... – Она не договорила.

– Но у тебя-то были и дети, и работа.

– Но все-таки не семеро...

Бабушка сидела, крепко стиснув руки. Потом она сделала над собой усилие, расцепила их и положила на колени.

Полли сползла вниз и устроилась поудобнее. Ей вдруг захотелось спать. Адрон, который повадился спать с Полли, улегся в ямке между плечом и шеей и заурчал.

– Женщинам удалось многого добиться, – говорила бабушка, – но всегда есть и будут проблемы, которые свойственны только женщинам. И достижения тоже.

Котенок мурлыкал все громче.

– Я смотрю, Адрон к тебе привязался.

– Адроны, – сонно проговорила Полли, – это класс сильно взаимодействующих частиц. К адронам относятся нуклоны, а также пионы и странные частицы.

– Молодец. Как ты все быстро усваиваешь!

– Странные частицы... – Глаза у Полли слипались. – Казалось бы, человек должен быть полон странных частиц. Может быть, так оно и есть. Адроны, по-моему, состоят из кварков, так что странность в адроне вычисляется по количеству кварков... А друиды были странные? – говорила она уже почти во сне. – Я почти ничего не знаю о друидах...

Дыхание Полли замедлилось, она уткнулась лицом в подушку, вплотную к теплему, мохнатому боку Адрона. Миссис Мёрри встала, постояла, глядя на внучку, и выскользнула из комнаты.

Наутро Полли проснулась рано, оделась и спустилась вниз. В доме еще стояла тишина. За окном все было бело от тумана, ползущего над лужайкой. На горизонте медленно проступали горы, а небо над ними постепенно менялось от сумеречно-серого к голубому, обещая расчиститься, когда встанет солнце.

Девушка вышла на улицу и пошла через луг, такой мокрый от росы, как будто ночью прошел дождь. У каменной стенки она остановилась, но для Луизы Большой, пожалуй, было рановато. Полли двинулась дальше, по тропинке, ведущей к Звездному Валуну. Она снова надела старый красный анорак и натянула джинсы на подкладке, так что ей было довольно тепло. Внезапно в воздухе что-то замерцало. Полли удивленно вскинула взгляд к небу. Что-то полыхнуло, как будто молния, но грома слышно не было. Земля чуть содрогнулась под ногами, и все затихло. Что это – землетрясение? Полли огляделась по сторонам. Деревья вдруг сделались другими – более старыми. Дубов стало намного больше – высоких дубов, даже выше Дуба-Дедушки. Подходя к Звездному Валуну, Полли увидела блики света на воде. На месте плодородной долины раскинулось большое озеро.

Озеро?! У нее голова пошла кругом от удивления. Откуда тут озеро? И горы были уже не те пологие горы, источенные ветрами, дождями и эрозией. Перед ней возвышались островерхие пики с вершинами, одетыми снегом. У Полли мурашки поползли по спине. Она обернулась и посмотрела на валун. Нет, это был все тот же Звездный Валун, который ей всегда так нравился... Тот, да не тот.

– Что происходит? – спросила она вслух.

Ключья тумана постепенно развеивались, и Полли увидела перед собой с десятков или даже больше шатров из выделанных шкур. А за шатрами раскинулись огромные огороды и кукурузное поле; стебли недавно были срезаны и собраны в кучи. Дальше, за полем, паслись коровы и овцы. На веревках, протянутых между шестами, вялилась рыба. На более прочных шестах сушились распяленные бобровые шкуры. Перед одним из шатров сидела женщина и что-то толкла в ступке. У женщины были черные волосы, заплетенные в косу, и она пела за работой, не обращая внимания ни на Полли, ни на что-либо еще, целиком поглощенная ритмичным стуком пестика и собственной песней. Выглядела она как повзрослевшая копия той девушки, что приходила к бассейну.

Вдали послышался грохот барабанов, а потом раздалось пение – прекрасная мелодия с богатой естественной гармонией. Казалось, именно красота этой песни заставила восходящее солнце выглянуть из-за горизонта. Когда песня смолкла, ненадолго воцарилась тишина, а потом возобновились обычные утренние звуки.

Да что же такое творится? Куда она попала? И как ей теперь вернуться домой?

Полли обернулась в ту сторону, где находился дом Мёрри, и увидела, что к ней приближается группа молодых людей, вооруженных копьями. Полли инстинктивно спряталась за один из старых дубов и осторожно выглянула из-за толстого ствола.

Двое из юношей несли молодого оленя, подвешенного на копьях. Они прошли мимо Полли, миновали шатры, сад, поле и пастбище. На них были мягкие замшевые легинсы и рубахи, похожие на ту одежду, в которой приходила девушка.

Юноши исчезли из виду, а Полли привалилась к стволу, потому что ноги внезапно сделались ватными. Ну что же такое творится? Откуда взялся весь этот огромный старый лес? А озеро? Откуда в долине озеро? И что это за юноши такие?

Мысли лихорадочно металась сразу во всех направлениях, пытаясь найти какой-то смысл во всей этой неразберихе. Нет, конечно, Полли уже не раз приходилось убеждаться, что мир не подчиняется законам логики, но это уж совсем ни в какие рамки не лезло!

По тропе шел молодой человек с волосами, высветленными почти добела. У него тоже было копье – куда более длинное, чем у охотников. В месте хвата копье уравнивалось медным шаром величиной с яблоко или апельсин, а под шаром красовалось кольцо из перьев. Полли снова спряталась за дерево, чтобы юноша не заметил ее – в джинсах и красном анораке.

На одном из дубов нежно пел кардинал – знакомый, привычный звук. Легкий ветерок шуршал в выгоревших осенних травах, по глади озера бежала рябь. Воздух был чист и свеж. Горы расправляли свои широкие зубчатые плечи навстречу голубому небу, и белые вершины сверкали на утреннем солнце.

Полли втянула в себя воздух и затаила дыхание. По тропе в ее сторону шла та самая девушка, которую она видела у бассейна. Черная коса моталась из стороны в сторону. Девушка несла охапку осенних цветов: синие дикие астры, белые цветы дикой моркови, которую еще называют «кружевом королевы Анны», золотые шары. Она подошла к камню – Полли до этого не обратила на него внимания, – плоской каменной плите, лежащей на двух валунах поменьше, нечто вроде буквы «пи», сделанной из камня.

Девушка положила цветы на камень, запрокинула лицо к небу и затянула песню. Голос у нее был чистый и нежный, и пела она непринужденно, будто птичка. Допев песню, она вскинула руки к небесам. Лицо ее озарилось сиянием. Затем девушка обернулась, будто почувствовав присутствие Полли за деревом.

Полли вышла из-за дуба:

– Привет!

Девушка побледнела и стремительно развернулась, словно собиралась обратиться в бегство.

– Эй, постой! – окликнула ее Полли.

Девушка медленно подошла к Звездному Валуну.

– Ты кто? – спросила ее Полли.

– Анараль. – Девушка указала на себя, назвав свое имя. На ней были все те же замшевая рубаха и легинсы, что и накануне, и на шее – серебряный обруч с камушком в центре. Указательный палец на правой руке у нее не сгибался и был заклеен лейкопластырем, который выглядел здесь совершенно неуместно.

– А что ты пела? Такая красивая песня... У тебя чудесный голос! – тараторила Полли, изо всех сил стараясь сделать так, чтобы девушка не убежала.

Щеки Анараль тронул слабый персиковый румянец. Девушка потупилась.

– Что это за песня? Ты можешь повторить слова?

Анараль покраснела еще сильнее и в первый раз посмотрела прямо на Полли.

– Это приветственная утренняя песнь нашей Матери, что дарует нам землю, где мы живем... – она запнулась, как будто подбирая слова, – учит нас слушать ветер и заботиться обо всем, что она нам дает: о пище, которую мы выращиваем... – она снова остановилась,

погрузившись в раздумья, – о животных, которых пасем, и о себе самих. Мы просим ее помочь нам лучше узнать самих себя, чтобы научиться лучше понимать друг друга и прощать... – она потерла лоб, – прощать себя, когда мы делаем что-то плохое, как мы прощаем других. Помочь нам идти тропой любви и защищать себя от всего, что могло бы причинить нам вред.

Пока Анараль говорила, мало-помалу перелагая слова на английский, ее голос сам по себе становился все более похожим на пение.

– Спасибо, – сказала Полли. – Мы часто поем у себя дома. Моим домашним понравилась бы эта песня. Я хотела бы ее выучить.

– Я тебя научу, – застенчиво улыбнулась Анараль.

– Почему ты убежала вчера вечером? – спросила Полли.

– Я растерялась. Круги времени не так уж часто пересекаются. И то, что ты здесь, – это так странно!

– Что странно?

– Ну, что мы можем видеть друг друга, можем разговаривать...

«Да, – подумала Полли. – Действительно странно». Неужели они с Анараль и впрямь разговаривают через три тысячи лет?

– Ты не из моего народа, – сказала Анараль. – Ты с другого витка спирали.

– А твой народ – кто они?

Анараль гордо выпрямилась:

– Мы – народ Ветра!

– Вы индейцы, да? – уточнила Полли. Это прозвучало довольно грубо, но ей хотелось знать ответ.

– Я не знаю этого слова. – Анараль, похоже, растерялась. – Мы тут всегда жили, на этой земле. Я родилась и воспитывалась как... ты, наверное, поймешь, если сказать, что я друид.

Коренная американка – друид? Но ведь друиды пришли из Британии!

Анараль улыбнулась:

– «Друид» – это не наше слово, оно не принадлежит народу Ветра. Карралис – ты его вчера видела у старого дуба, – Карралис принес его с собой из-за большой воды. Понимаешь?

– Ну... не уверена.

– Не беда. Я сказала тебе свое имя – мое друидское имя, которое дал мне Карралис. А как твое имя?

– Полли О'Киф. А наш язык ты откуда знаешь?

– От епископа.

– Епископа Колубры?

Анараль кивнула.

– Так это он тебя научил?

Теперь-то Полли понимала, отчего епископ так разволновался, когда она заговорила с ним об Анараль и Карралисе. Очевидно, он рассказал ее бабушке с дедушкой и своей сестре далеко не все, что знал об огамических камнях и о людях, что обитали на этой земле три тысячи лет назад...

– Да, меня научил епископ.

– А откуда ты его знаешь?

Анараль развела руками:

– Он к нам пришел.

– Как?

– Иногда, – Анараль перебросила через плечо свою черную косу, – бывает возможно перейти с одного круга на другой.

Полли представила себе модель атома, с ядром в центре и электронами, которые расположены вокруг него в оболочках или на орбитах. Иногда электрон может переместиться из

одной оболочки или с одной орбиты на другую. Однако этот образ перемещения электронов в атоме с орбиты на орбиту не очень-то ей помог: ведь «круги», о которых говорила Анараль, находились не в пространстве, а во времени. «Но ведь время и пространство неразделимы!» – напомнила себе Полли.

– Ты вчера приходила в мое время, – сказала она. – Как ты это сделала?

Анараль вскинула тонкие руки к лицу, потом отвела их и посмотрела на Полли:

– Мы же с Карралисом друиды. Для нас грани времени мягкие. Не жесткие. Мы можем ходить сквозь него, как сквозь воду. А ты тоже друид?

– Нет, – решительно ответила Полли. – Но я, кажется, попала в ваше время.

– Я в своем времени, – сказала Анараль.

– Но если ты в нем, значит и я тоже?

– Наши круги соприкасаются.

– Друиды разбираются в астрономии. А ты разбираешься во времени?

– Кругов времени так много, – рассмеялась Анараль, – что и не сосчитать. Мы знаем некоторые из них, но лишь некоторые. Я владею древним знанием, знанием народа Ветра, а Карралис теперь учит меня своему новому знанию, друидическому.

– А епископ про все это знает?

– О да! Ты из людей епископа?

– Я из его друзей.

– Ты одна из ученых?

– Я их внучка.

– Тот, что с кривыми пальцами и больными коленями, – епископ говорил, он кое-что смыслит во времени.

– Да. Куда больше большинства людей. Но не... но он не знает, как можно вернуться в прошлое на три тысячи лет. А ведь я именно это сделала, да?

Анараль покачала головой:

– Три тысячи? Я не знаю, что значит «три тысячи». Ты переступила порог.

– Но я не знаю, как я это сделала. Я просто пошла прогуляться до Звездного Валуна и вдруг очутилась здесь. Ты не знаешь, как мне вернуться обратно?

Анараль улыбнулась, чуточку грустно:

– Я и сама не всегда понимаю, как это происходит. Круги накладываются друг на друга, двери открываются, и тогда мы можем переступить порог.

Анараль сопровождала свои слова жестами, и Полли вновь обратила внимание на лейкопластырь у нее на пальце, такой неуместный тут, в прошлом.

– А что у тебя с пальцем?

– Порезалась охотничьим ножом. Я свежевала оленя, а нож соскользнул.

– Но откуда у тебя пластырь? В вашем времени ведь не было пластырей?

Анараль покачала головой:

– Доктор Луиза зашила мне палец. Много швов наложила. Это было больше луны тому назад. Он уже почти зажил. Когда стало можно снять большую повязку, епископ принес мне эту штуку. – И она показала палец, заклеенный пластырем.

– А к доктору Луизе ты как попала?

– Меня привел к ней епископ.

– Как?

– Епископ увидел меня сразу после того, как соскользнул нож. Порез был глубокий – очень, очень глубокий. Кровь текла сильно. Сильно-сильно. Я испугалась. Я плакала. Епископ взял мой палец и зажал, чтобы кровь не так хлестала. Он сказал: «Бегом!» – и мы побежали. Епископ хорошо умеет бегать. И внезапно мы очутились в кабинете доктора Луизы.

– А в твоём времени совсем никого нет, кто мог бы залечить порез?

– Старый Серый Волк это умел. Он много лет был нашим целителем, но он умер прошлой зимой, в холода. А его сын, который должен был занять его место, умер несколько оборотов солнца назад, когда наш народ покосила зимняя лихорадка. А Волчонку, Молодому Волку, которому предстоит сделаться нашим целителем, еще учиться и учиться. Конечно, мне мог бы помочь Карралис, но он в тот день был на охоте с нашими юношами.

– Карралис – это друид из Британии?

– Издалека. Карралис – это тот, кто приплыл на странной лодке три оборота солнца назад. Его принесло через озеро свирепыми ветрами урагана. Он явился, когда мы, народ Ветра, оплакивали нашего Великого, которого раздавил дуб, упавший в бурю: дерево подняло, будто прут, и швырнуло оземь. Он был очень стар и сам предсказал, что этого солнечного оборота не переживет. И тут посреди бури явился Карралис, и с ним второй человек из-за моря, Тав, у которого волосы почти белые, а кожа краснеет, если он долго пробудет на солнце.

Тав. Наверное, это тот молодой человек с копьем.

– А откуда же они, Карралис и Тав?

– Из-за большой воды за реками и горами. И вот, стоило лодке Карралиса коснуться берега, как ветер улегся, и буря кончилась, и огромная радуга воссияла над озером, и мы поняли, что Создатель Звезд послал нам нового Великого.

– А Тав? – спросила Полли.

– Тав лежал в каноэ, – продолжала Анараль, – полумертвый от лихорадки. И даже Карралису и Серому Волку, при всем их искусстве, стоило немалых трудов унять лихорадку. Ночь за ночью сидели они с Тавом и молились. И Волчонок, Молодой Волк, был при них, смотрел и учился. Лихорадка утихала вместе с убывающей луной, и внезапно дыхание Тава сделалось ровным, как у ребенка, и он уснул, и так выздоровел. Они оба великий дар для нас – Карралис и Тав.

– А Тав тоже друид?

– О нет! Тав – воин. Самый великий охотник среди нас. С тех пор как к нам пришел Тав, нам не приходится беспокоиться о том, что у нас не хватит мяса.

Полли нахмурилась, пытаясь разобраться, что к чему.

– Ты ведь тут родилась, в этом самом месте?

– Да.

– Но ты друид?

– Теперь – да! – рассмеялась Анараль. – Теперь меня так называют. Я родилась для этого. И Карралис наставлял меня в своей мудрости. А теперь нашему народу грозит опасность, и Карралис думает, что ты явилась из-за порога, чтобы помочь нам.

– Но чем же я могу... – начала было Полли.

Однако тут раздался громкий треск, как будто кто-то наступил на сучок, и Анараль унеслась прочь, стремительная, точно лань.

Полли оглянулась, но никого не увидела.

«Ты явилась из-за порога, чтобы помочь нам», – сказала Анараль. Что же она имела в виду? И как теперь Полли вернуться обратно за порог, в свое время? Как ей попасть домой без Анараль?

Она побежала за девушкой. У Полли были длинные ноги, и бегала она резво, но тропа была незнакомая, сильно петляла взад и вперед и шла все время под горку. Анараль нигде не было видно.

Полли бежала все дальше и дальше, миновала деревню, обогнула сад и поле, пробежала через пастбище и очутилась на тропинке, ведущей через рощу берез и буков. Она бежала по тропинке, пока та не вывела ее к большому плоскому валуну – почти такому же огромному, как Звездный Валун. Но в этой земле, когда-то покрытой ледником, слой почвы вообще был тонкий, и кости земли лежали вплотную к поверхности. Полли пошла дальше, прислушиваясь, и

услышала плеск воды. Вскоре она очутилась на каменном мостике, под которым бежал ручеек. Она уже бывала тут во время своих прогулок – это было чудесное место. Деревья склонялись над водой, роняя золотые листья. Девушку обступили крепкие октябрьские запахи: гниющие яблоки, палая листва, орехи гикори, желуди, сосновые шишки – все это лежало на земле, питая собой почву.

И внезапно Полли осознала, что деревья вокруг – обычные современные деревья, а не первобытный лес. Она дома.

Глава третья

Она дома! У Полли ноги подкосились от облегчения, она уселась на каменный мостик и принялась болтать ногами над ручьем, пытаясь вернуться к нормальной жизни.

«Интересно, а зачем северные деревья сбрасывают листву? – спросила она себя. – Чтобы меньше страдать от морозов?»

Это звучало логично, а Полли очень хотелось, чтобы все вокруг было логично, потому что в то утро все выглядело совершенно нелогичным, и ей сделалось холодно, несмотря на теплый анорак. Она встала и пошла дальше по тропе, высматривая тоненькую девушку с толстой черной косой. Но Анараль осталась в том, своем времени, в Поллином настоящем ее не было. Тем не менее Полли пробралась по тропе, прорубленной в невысоком кустарнике, и очутилась на высоком обрыве, с которого открывался вид на болотистую долину внизу и горы на другой стороне долины.

Все эти тропы проложили в юности ее дяди, Сэнди и Деннис, и лесная живность не давала им зарастать. Но все же надо будет прийти сюда с секатором и обрезать кое-какие ветки. Полли стояла на скале, глядя на запад. Ландшафт переливался мягкими цветами. Сейчас в нем преобладали разные оттенки тусклого золота, и там, где опавшая листва обнажила ветки, местами проглядывала зелень сосен.

И тут внизу, там, где, по-видимому, проходило русло ручья, мелькнуло что-то яркое. Из кустов вылез епископ Колубра, в желтой кепке и куртке, с тяжелым камнем в руках. Вниз, под обрыв, вела крутая тропа. Спуститься по ней было бы нетрудно, если бы ее не заплели побеги паслена и ветки ежевики. Когда Полли побежала вниз, к епископу, эти колючие побеги царапали ей руки и ноги и хватали за одежду.

Епископ радостно приветствовал Полли и показал ей камень. Он даже не собирался искать огамические камни и вдруг нашел, прямо тут, в старой каменной стенке. Чудесное утро, правда?

– Епископ! – выдохнула Полли, подлетев к нему вплотную. – Я побывала там!

Он остановился и замер – так резко и внезапно, что, казалось, сам воздух задрожал от напряжения.

– Что?

– Я переступила порог – или как там это Анараль называет. Я побывала в ее времени!

У епископа сделался такой вид, будто он вот-вот выронит камень.

– Когда?

– Да вот только что! Я буквально сейчас оттуда. Знаете, епископ, это было так странно и неожиданно, что я не успела что-то там почувствовать. Но теперь мне кажется, что мне было так страшно!

Голос у нее дрогнул.

Епископ положил камень и успокаивающе похлопал девушку по руке:

– Не бойся, не надо. Все будет в порядке. Все устроится согласно замыслам Божиим.

– Правда?

– Но этого я не ожидал. Чтобы ты... Ты же ведь ее видела вчера у бассейна?

Полли чувствовала холод, хотя солнце припекало как следует.

– Она говорит, что они с Карралисом – это тот человек у дуба, – она говорит, что они могут преодолевать границы времени, потому что они друиды.

– Это так.

Епископ все держал руку на плече Полли, как будто делился с ней своей силой.

– Мы утратили многие дары, что некогда были нам доступны. – Он наклонился и поднял камень. – Пойдем-ка лучше обратно к дому твоих бабушки с бабушкой. Вот этой дорогой будет короче всего, если ты согласишься за мной последовать.

Его длинные, тощие ноги явно подкашивались. Он попытался сунуть камень под мышку, чтобы второй рукой помогать себе на ходу, хватаясь за деревца и толстые лианы. Они дошли до места, где ручей делал очередную петлю. Епископ остановился, посмотрел на воду, струящуюся между камнями, и ловко перескочил на тот берег, но выронил камень. Полли достала его из воды.

– Давайте я пока понесу, – предложила она.

Девушка шла следом за старым епископом, который шустро пробирался почти заросшей тропинкой, а потом повернул наверх и принялся карабкаться по склону, точно краб. Под ногами там и сям попадались островки красной брусники. Ветка ели преградила им путь, и епископ придержал ее перед Полли. Он продолжал ломиться напрямик, и вот наконец они миновали заросли ирги и дикой вишни и вышли к Звездному Валуну.

– Епископ, вот это все... ну, то, что случилось... это просто шиза какая-то.

Он не ответил. Солнце поднималось все выше. Налетел легкий ветерок, с деревьев снова посыпались листья.

– А может, мне это все приснилось?

– Иногда я не знаю, что есть сон, что есть явь. Граница между ними такая тонкая... – Он забрал у Полли огамический камень и положил его на Звездный Валун. Сел на него, скрестив ноги, и похлопал по камню, предлагая Полли сесть рядом. – Ну, рассказывай, как все было.

– Я встала рано и пошла погулять. И как только я дошла до Звездного Валуна, все вокруг вдруг сделалось другим. Земля дрогнула. Я было решила, что это землетрясение. А потом увидела деревья, горы... Деревья там были намного больше, такой первобытный лес. И горы тоже огромные, островерхие, со снежными вершинами.

– Ну да, – кивнул он.

– И я знаю, что вы бывали там... в прошлом...

– Да.

– Оно настоящее?

Он вновь кивнул.

– А бабушка с бабушкой про это знают? А доктор Луиза?

– Они в такое не верят, – покачал головой епископ.

– Но в огамические камни-то они верят!

– В камни верят. Их можно пощупать.

– А вы им не говорили?

– Дорогая моя, – вздохнул он, – они просто не хотят слушать.

– Но, епископ, вы же водили Анараль к доктору Луизе, когда она порезала палец!

– А ты откуда...

– Анараль рассказала.

– Ах да. Господи Боже мой! Я не знал, что делать. Раздумывать было некогда. Я просто схватил ее и побежал. Слава богу, Луиза была у себя в кабинете.

– То есть она знает.

Он покачал головой:

– Нет. Я ей говорил, но она думала, что я просто шучу. Или выжил из ума. Я же к ней периодически привожу всяких бродяг и бездомных, и она считает, что Анни просто очередная бродяжка. Потому что ей хочется так думать. Ты завтракала?

– Нет еще.

– Тогда идем к твоим бабушке с бабушкой, выпьем кофейку. Мне надо подумать. В четверг – канун Дня Всех Святых...

Хеллоуин! Она об этом совсем забыла.

Колубра поднялся на ноги и взял огамический камень.

– Возможно, это отчасти объясняет... сезон подходящий...

– Епископ, так мои дедушка с бабушкой не знают, что с вами случилось то же, что со мной: что вы вернулись на три тысячи лет назад?

– Ты понимаешь, как дико это звучит? Они ведь никогда не встречали ни Карралиса, ни Анараль. Ты-то их видела. Ты побывала за порогом. А если бы не это, ты сама поверила бы?

Епископ был прав. Все это звучало как полная шиза. Временные пороги! Три тысячи лет! Круги времени! И все же это было. Полли не представляла, чтобы им с епископом мог привидеться один и тот же сон.

– Епископ, а давно вы... давно вы туда путешествуете? В прошлое и обратно?

– С прошлой весны. Это случилось спустя несколько месяцев после того, как я поселился у Луизы.

– И часто вы это делаете? – полюбопытствовала Полли и подумала: «Ну, достаточно часто, чтобы научить Анараль английскому».

– Довольно часто. Но я не могу планировать это заранее. Иногда это получается. Иногда нет. Полли, дитя мое, пойдем, а? Я испытываю настоящую потребность исповедоваться перед твоими дедушкой с бабушкой – не важно, поверят они мне или нет.

– Ну, они многому способны поверить, – заметила Полли. – Большему, чем большинство людей.

Епископ переложил камень из руки в руку.

– Я никогда не думал, что ты можешь в это ввязаться. Просто в голову не приходило, что такое возможно. Что ты... Я себя чувствую ужасно виноватым...

– Давайте я опять понесу камень? – предложила Полли.

– Да, пожалуйста... – Епископ, похоже, был ужасно расстроен.

Полли взяла камень и пошла за ним. Когда они подошли к стене на краю поля, девушка увидела, что за ними неподвижно наблюдает Луиза Большая. Епископ даже не заметил змею. Он перебрался через стену и припустил к дому.

Дедушка с бабушкой были на кухне. Все вокруг было совершенно как всегда, и это успокаивало. Дедушка читал газету. Бабушка пекла блинчики. Завтракали тут обычно на ходу. Миссис Мёрри частенько брала кофе и кекс и уходила с ними в лабораторию. А мистер Мёрри торопился на улицу – поработать во дворе, пока погода держится.

– Доброе утро, Полли! Доброе утро, Нейсон! – Миссис Мёрри, похоже, нимало не удивилась тому, что они ввалились с утра пораньше, причем Полли – вся исцарапанная и растерзанная после торопливого спуска с обрыва. – Алекс потребовал блинчиков, а поскольку он человек весьма нетребовательный, я была только рада исполнить его просьбу. Присоединяйтесь. Теста много – на всех хватит.

– Вы уж извините за вторжение, – сказал епископ, садясь к столу.

– Вот еще один огамический камень. Куда его? – спросила Полли, стараясь говорить так, как будто ничего не случилось.

– Ну, если есть место, положи его рядом с тем, который Нейс принес вчера. Нейс, тебе сколько блинчиков делать?

– Даже и не знаю. Я вообще не уверен, буду ли я есть. Я, кажется, не голоден.

– Нейсон! Что случилось? Ты нездоров?

– Да нет, я в порядке... – Он посмотрел на Полли. – Боже мой, Боже мой! Что же я натворил?

– А что ты натворил? – поинтересовалась миссис Мёрри.

– Да ничего вы не натворили, епископ, – возразила Полли. – Просто так получилось.

Миссис Мёрри поставила перед ним стопку блинчиков. Епископ в рассеянности шмякнул на них кусок масла, залил сиропом, откусил большой кусок и положил вилку.

– Я, кажется, совершил нечто ужасное.

– Нейсон, в чем дело? – вступил в разговор мистер Мёрри.

Епископ откусил еще блинчика и покачал головой:

– Я просто не думал, что так получится. Я не думал, что такое может случиться...

– *Что?!* – с нажимом произнес мистер Мёрри.

– Я-то думал, что временной портал открыт только для меня. Я даже не думал... – Епископ умолк на полуслове.

– Полли, ты понимаешь, о чем речь? – не отступал дедушка.

Полли налила себе кружку кофе и села за стол.

– Тот человек под дубом, которого видели мы с Закари, жил во времена огамических камней. – Она изо всех сил старалась говорить ровным, выдержанным тоном. – Сегодня утром я пошла гулять и... в общем, не знаю как и что, но только я каким-то образом прошла в этот временной портал, о котором говорит епископ.

– Нейс!

– Да, я знаю. – Епископ опустил голову. – Это я во всем виноват. Кто же, как не я? *Mea culpa*³.

– Полли, что заставляет тебя думать, будто ты прошла в какой-то временной портал? – спросила миссис Мёрри.

– Ба, там все было другое! Деревья были громадные, как у Лонгфелло в «Гайавате», помнишь: «Темен девственный лес»⁴? И горы сделались высокие, островерхие, со снежными вершинами – молодые горы, не древние холмы, как наши. И на месте долины было большое озеро.

– Что за ерунда! – Миссис Мёрри поставила тарелку с блинчиками перед мужем, потом положила блинчиков Полли.

– Нейсон! – укоризненно воскликнул мистер Мёрри.

Епископ выглядел совершенно несчастным.

– Я столько раз пытался об этом поговорить, но вы мне не верили и... э-э... не приветствовали подобных разговоров. И я вас вполне понимаю. Вот я и помалкивал. Я и сам не повеял бы, если бы это не случалось снова и снова. Но я-то думал, что это касается только меня – отчасти потому, что я уже стар и одной ногой в могиле... Но Полли! Чтобы Полли могла... Ну да! Разумеется!

– Что «разумеется»? – Мистер Мёрри с каждым вопросом сердился все заметнее.

– Сначала Полли видела Анни у бассейна.

Епископ назвал Анараль уменьшительным именем. Чувствовалось, как тепло он к ней относится.

– Какую еще Анни?

– Анараль, – пояснила Полли. – Ту девушку, которая вчера вечером приходила к бассейну.

– Когда вы рыли этот бассейн, ничего особенного не случилось? – полюбопытствовал епископ.

– Вода забила из-под земли, – сообщил мистер Мёрри. – Видимо, мы докопались до водоносного слоя – до подземной реки.

– Но ведь это же самая высокая точка в округе! – возразила Полли. – Откуда тут быть подземной реке, так высоко?

– Ну вот, как видишь.

³ Моя вина (*лат.*).

⁴ Полли ошибается. Это строчка из другой поэмы Лонгфелло – «Эванджелина». (*Примеч. перев.*)

Епископ положил вилку. Стопка блинчиков как-то незаметно рассосалась.

– Вы помните, что самые священные места – например, те, где в Англии строились большие соборы, – считались таковыми еще до того, как там возникли первые языческие капища? И что самое интересное – под большинством таких священных мест протекает подземная река. Эти дом и бассейн расположены в священном месте. Вот почему Анараль смогла прийти к бассейну.

– Ерунда!.. – начала миссис Мёрри.

Мистер Мёрри вздохнул, как бы разочарованно:

– Нет, конечно, мы любим свой дом и свою землю, но называть это место священным – все же перебор!

– Сколько лет вашему дому? – уточнил епископ. – Лет двести или около того?

– Ну, некоторым частям – да.

– Однако, судя по огамическим камням, люди жили тут еще три тысячи лет назад!

– Нейсон, я видел этот камень. Я верю тебе, что это действительно огамические письмена. Я отношусь к этому серьезно. Но я не хочу, чтобы ты втягивал Полли в эти свои... – Мистер Мёрри поднялся с места так резко, что опрокинул стул. Он раздраженно крикнул и поднял его. Тут зазвонил телефон. Все вздрогнули. Мистер Мёрри снял трубку. – Полли, это тебя!

Вот ведь не вовремя! Полли очень хотелось все объяснить бабушке с дедушкой и выслушать их мнение. Если бы они могли поверить в случившееся, все стало бы не так страшно.

– Кажется, это Закари.

Дедушка протянул ей трубку.

– С добрым утром, милая Полли! Я просто хотел сказать тебе, как было здорово пови-
даться с тобой вчера. Жду не дожусь четверга, чтобы увидеть тебя снова.

– Спасибо, Зак. Я тоже буду рада тебя увидеть.

– Ну ладно, тогда пока. Я просто хотел убедиться.

Полли вернулась к столу.

– Да, это был Закари. Он хотел подтвердить, что приедет в четверг.

– Ну вот, хоть что-то приятное и нормальное, – сказал дедушка.

– В самом деле? – переспросила Полли. – Он ведь тоже видел человека, который жил три тысячи лет назад!

– Канун Дня Всех Святых... – пробормотал епископ.

– По крайней мере, он тебя вытащит куда-нибудь подальше отсюда, – сказала бабушка. – Не правда ли, странно, что он знает об огамических камнях?

Полли кивнула:

– Закари вообще знает много необычного. Но то, что произошло утром, у меня просто в голове не укладывается.

– Три тысячи лет – это многовато для тебя, Полли, – мягко проговорил епископ. – И я так или иначе, похоже, ответствен за это.

Мистер Мёрри подошел к буфету и взял в руки один из огамических камней.

– Знаешь, Нейсон, одна из причин, по которым я был склонен не доверять тебе в этом вопросе, это то, что если ты говоришь правду, получается, что ты, всего-навсего богослов, а никакой не физик, совершил открытие, над которым я трудился всю свою жизнь.

– Скорее, нечаянно наткнулся на него, – уточнил епископ.

– Мне казалось, я все понимаю, – со вздохом произнес мистер Мёрри. – Теперь я уже не уверен...

– Дедушка! Объясни, пожалуйста, о чем речь!

Мистер Мёрри снова сел, хрустнув коленями.

– Речь о теории времени, Полли. Ты ведь кое-что знаешь о моей работе.

– Ну, чуть-чуть.

– Во всяком случае больше, чем Нейс. У тебя больше знаний по точным и естественным наукам. Ты уж прости, Нейс...

– Знаю, знаю. Сейчас не время раскланиваться... – Епископ посмотрел на миссис Мёрри: – Можно мне еще блинчиков? – И снова обернулся к мистеру Мёрри: – Твоя теория тессеракта...

Миссис Мёрри положила епископу на тарелку еще одну стопку блинчиков.

– Тессерирование, – заговорил мистер Мёрри, – перемещение в пространстве без ограничений во времени, как тебе известно, целиком и полностью связано с разумом. Построить машину для тессерирования невозможно. Это означало бы исказить его, потревожить пространственно-временной континуум в тщетном усилии сковать ослепительно-прекрасное явление рамками технологий. И разумеется, именно это сейчас и происходит: неудачные попытки создать космические корабли, предназначенные для того, чтобы превзойти скорость света и преодолеть время. Это прекрасно работает в кино и по телевизору, но не в реальности нашей вселенной.

– Ты хочешь слишком многого, – возразил епископ. – Кто из людей готов вместить в себя молнию?

Мистер Мёрри улыбнулся, и Полли показалось, что это одна из самых грустных улыбок, какие она видела в жизни.

– Например, ты, – сказал дедушка.

– «И вот будто молния сверкнула в моем духе... и с этим светом глубочайший покой и радость снизошли в мое сердце. В какой-то миг я почувствовал, как будто меня переполняет некая бесконечная сила, так что тело мое вот-вот расколется, будто сосуд скудельный», – негромко произнес епископ и вздохнул. – Это Джон Томас, валлиец, живший в середине восемнадцатого века. Но описание верное, не так ли?

– Абсолютно верное, – согласился мистер Мёрри. – Однако я изумлен и раздосадован.

– Чем же?

– Тем, что тебе известно больше, чем мне.

– Да нет, что ты...

– И все же тебе известно слишком мало, Нейс. Ты отворил временной портал, сквозь который Анни – Анараль, или как ее там, – способна проходить сюда и который втянул в себя Полли. Я хочу его закрыть.

Закреть?! Но как же можно его закрыть?!

Дверь отворилась, и ветра времени дули в нее, не давая ее затворить, чуть ли не срывая с петель.

– Нет! – воскликнула Полли, заставив дедушку умолкнуть на полуслове. – Вы не можете запретить мне ходить к Звездному Валуноу!

Дедушка тяжело вздохнул:

– Я всю жизнь имею дело с природой пространства-времени, и если это меня чему-то и научило, то тому, как мало мы знаем о пространстве и еще меньше – о времени. Я не знаю, правда ли вы с Нейсом перенеслись в прошлое на три тысячи лет назад, или эти молодые горы со снежными вершинами были чем-то вроде галлюцинации. Но я знаю, что тебя доверили нам, и мы за тебя отвечаем.

– Ну и я отчасти тоже, – добавил епископ, подлив на блинчики еще сиропа.

Полли посмотрела ему в глаза – потускневшее серебро, которое все еще светилось. Однако ничего от фанатика или безумца в его твердом взгляде не было.

– Нейс, – заговорил мистер Мёрри, – ты должен оградить Полли от всего этого. Тебе известно слишком мало. Мы, люди, умеем делать часы и точные хронометры, но мы не понимаем, что именно отмеряем. И когда что-то происходит...

– Оно никуда не исчезает, – договорил за него епископ. – Оно порождает волны, подобные звуку. Как камушек, брошенный в пруд.

– Временные волны? – предположила Полли. – Или энергетические? Это как-то связано с $E = mc^2$?

Никто не ответил. Мистер Мёрри принялся убирать со стола. Двигался он скованно, как будто суставы у него болели сильнее обычного. Миссис Мёрри сидела, глядя в окно на далекие горы, сохраняя непроницаемое выражение лица.

– Я не знаю, что теперь делать. – Мистер Мёрри отвернулся от раковины и посмотрел на Полли. – Когда мы сказали твоим родителям, что с удовольствием примем тебя пожить у нас, нам с твоей бабушкой даже в голову не приходило, что ты окажешься как-то причастна к открытиям Нейса...

– Мы просто не принимали их всерьез, – вставила бабушка. – Нам этого не хотелось.

– Может быть, учитывая обстоятельства, стоит отослать Полли домой? – предложил дед.

– Ну, дедушка! – возмутилась Полли.

– Мы же не можем держать тебя под замком, – сказала бабушка.

– Знаете что? – решительно заговорила Полли. – По-моему, вы просто не можете меня отослать. Нет, серьезно. Если уж я оказалась втянута в эту историю с тессерактом, который открыл епископ Колубра, – ведь произошло именно это, да? – то, если вы попытаетесь меня отсюда убрать, не повлияет ли это на пространственно-временной континуум? Может быть, даже искалечит его?

Дедушка подошел к окну, посмотрел на сад, потом обернулся:

– Да, такая вероятность существует.

– Если время и пространство едины... – начал было епископ, но остановился.

– То есть это может искалечить и меня тоже? – продолжила Полли.

– Не знаю, – ответил дедушка. – Но предпочел бы не рисковать.

– Послушайте! – Епископ негромко хлопнул в ладоши. – В четверг канун Дня Всех Святых. Самайн, как сказали бы Анни с Карралисом. Странное время, священное время, когда врата времени распахиваются легче всего. И если Полли пообещает посидеть дома до тех пор, как минует вечер четверга...

– В четверг Закари приезжает, – напомнила всем Полли. – Не могу же я сказать ему, что никуда с ним не пойду, потому что, видите ли, епископ Колубра открыл тессеракт и я каким-то образом туда забрела! – Она делано рассмеялась. – Или Закари это тоже касается?

– Да нет, не думаю. – Епископ медленно покачал головой. – То, что он увидел Карралиса, когда тот забрел в наше время, одно дело. Пройти сквозь временной портал самому – совсем другое.

– То есть если Закари не проходил сквозь портал, значит он не участвует в тессеракте?

– Думаю, нет, – сказал епископ. – Так же как и Луиза, хотя она видела Анни – не важно, верит она в это или нет.

– Полли, а ты уверена, что Закари видел этого человека? – осведомился мистер Мёрри.

– Ну да, дедушка, а как же!

Дед включил горячую воду и подставил руки под кран, задумчиво кивая.

– Нет, наверное, пойти куда-нибудь с Закари – это безопасно. Куда-нибудь подальше отсюда, но не очень далеко. И ни в коем случае не к Звездному Валу! – предупредил епископ.

– Просто обожди и ничего не предпринимай, пока не пройдет Самайн, – предупредил епископ. – И в бассейне не плавай иначе как в присутствии бабушки или дедушки!

– Ладно, – кивнула Полли. – Значит, до Самайна... А что такое Самайн?

– Это древний кельтский праздник Нового года, когда животных пригоняли с пастбищ домой, на зимовку. Уборка урожая заканчивалась, и устраивали большой пир. На пиру остав-

ляли места для тех, кто умер в течение прошлого года, в знак уважения и веры в то, что души умерших не исчезают.

– Звучит как что-то среднее между Хеллоуином и Днем благодарения, – заметила Полли.

– Так оно и было. В восьмом веке папа Григорий Третий сделал первое ноября Днем Всех Святых, и тридцать первое октября стало кануном этого праздника.

– Ну да, – сухо проговорил мистер Мёрри, – так христианская церковь, уже не в первый раз, присвоила и переименовала языческий праздник.

Тут разговор снова прервал телефонный звонок. К телефону подошел мистер Мёрри.

– Да, Луиза, он здесь. Судя по всему, нынче утром Полли каким-то образом ухитрилась уйти на три тысячи лет в прошлое. Если, конечно, в такое можно поверить... Да, мне тоже верится с трудом... Ладно, мы позвоним.

Он вернулся к столу.

– Сестренка-то у меня доктор, – сказал епископ.

– Ну да, Нейсон. Мы знаем, что твоя сестра доктор.

– Я тут совершил ошибку... если это была ошибка. Анни порезалась – сильно, нехорошо порезалась. Надо было наложить швы. Волчонок, их молодой целитель, недостаточно опытен, а Карралиса не было в деревне. И я притащил Анни с собой.

– Сюда? В настоящее? – В голосе мистера Мёрри звучали недоверие, изумление и гнев одновременно.

– Ненадолго – ровно настолько, чтобы Луиза успела зашить ей палец. А потом я ее сразу отвел обратно.

– Ох, Нейс! – Мистер Мёрри застонал. – Время – это тебе не игрушки!

– Ну знаешь, палец Анни тоже пострадал не на шутку!

– А Луиза, стало быть, согласилась тебе помочь в этом... этом...

– Ну, она была не в восторге, но, поскольку мы уже пришли к ней в кабинет и, сказать вам по правде, она никогда раньше Анни не видела, ей даже в голову не пришло, что речь идет о трех тысячелетиях. В первую очередь она думала о том, что Анни требуется помощь, причем срочно, так что она сделала все, что необходимо. Ну а когда я рассказал ей, кто такая Анни, она мне, на самом деле, не поверила, а я и не стал настаивать на своем. Она просто сказала, чтобы я как можно быстрее отвел Анни в то место или время, откуда я ее притащил.

– Нейсон!

Мистер Мёрри встал, потом снова сел.

– Это тебе не «Звездный путь»! Ты не можешь просто отправлять людей назад и вперед по лучу. Как ты это сделал?!

– Ну, я точно не знаю... Отчасти в этом-то и проблема. И не надо на меня орать, Алекс!

– Да какое там «орать»! У меня просто слов нет.

– Дедушка! – Полли попыталась всех успокоить. Теперь, когда ответственность взяли на себя дедушка с бабушкой, сегодняшнее приключение казалось уже не страшным, а захватывающим. – А этот твой тессеракт – ну, то, над чем ты работал, для путешествий в космосе, – он должен освободить нас от ограничений времени, да?

– Да. Но исключительно ради исследований за пределами Солнечной системы. И только. Мы еще слишком мало знаем, чтобы баловаться с такими вещами. Мне на собственном опыте пришлось убедиться в этом.

– Мы взойшли на Маттерхорн⁵ просто потому, что он есть, – негромко заговорил епископ. – Мы побывали на Луне просто потому, что она есть. Мы собираемся исследовать планеты нашей Солнечной системы, а потом другие системы нашей Галактики, а потом устре-

⁵ *Маттерхорн* – горная вершина в Альпах, чрезвычайно сложная для восхождения. Покорение Маттерхорна стало важным этапом в истории альпинизма. (Примеч. перев.)

мимся в соседние галактики просто потому, что они есть. Я поселился у Луизы вовсе не затем, чтобы искать огамические камни, но, когда я нашел первый из них... ну, мне стало интересно просто потому, что они там были.

– Не там, а тут, – поправил мистер Мёрри.

– Ну, тут. Может быть, я вел себя безрассудно. Но я никак не ожидал, что с Полли такое случится. Дитя мое, не могла бы ты посидеть тихо всего лишь до выходных? Ну да, в четверг можешь куда-нибудь сходить со своим молодым человеком. Да и не думаю, что существует какая-то серьезная опасность. Только к Звездному Валуну не ходи. Ты ведь можешь обождать с этим до воскресенья?

– Я даже не знаю. – Полли выглядела растерянной. – Не знаю, поможет ли это. Ведь в первый раз я встретила Анни прямо тут – вчера вечером, когда плавала в бассейне.

Епископ протестующе вскинул длинные, тощие руки и замотал головой. В солнечных лучах сверкнул топаз у него в кольце.

– Я прошу прощения! – Тут он взглянул на Полли. – Хотя стоит ли извиняться? Возможно, мы с тобой как раз...

– Нейсон! – предостерегающе воскликнул мистер Мёрри.

Миссис Мёрри похлопала ладонью по столу:

– Полли пора заниматься. Думаю, возвращение к нормальной повседневной жизни пойдет ей только на пользу. У нее в комнате есть книги, которые ей надо бы почитать.

– Ну хорошо, – сказал мистер Мёрри. – Может быть, сегодняшнее утро было не более чем аберрацией. Ради всего святого, давайте постараемся вернуться к нормальной жизни.

Полли встала и подошла к епископу:

– А вот это огамическое письмо – вы же говорили, что это алфавит? Он у вас где-нибудь записан? Ну, в смысле, так, чтобы я могла разобраться?

– Да. Дома есть.

– А можно посмотреть?

– Ну конечно! У меня в блокноте, скорее всего, не более чем моя собственная версия, однако же это помогает мне переводить надписи с огамических камней... Вечером принесу.

Миссис Мёрри хотела было вмешаться, но промолчала.

– Спасибо, господин епископ! – С этими словами Полли отправилась к себе наверх.

У себя в комнате Полли несколько минут просто сидела в кресле-качалке, не берясь за книги. Больше всего ей сейчас хотелось сходить к Звездному Валуну. Теперь она уже не боялась застрять в прошлом. Каким-то образом путь для нее был открыт – так же как и для Анараль. Но дедушка с бабушкой расстроятся и рассердятся... Может, и правда лучше посидеть дома, пока не пройдет этот четверг?

Полли обернулась к тумбочке и потянулась за книгами. Учебные задания дедушки с бабушкой были осязаемой реальностью, которая успокаивала после озера и деревни трехтысячелетней давности, как будто приснившихся ей. Да, ей хотелось выучить огам. Если Анараль могла научиться от епископа английскому, значит и Полли может выучить огамический язык.

Ну а пока надо заниматься. Старики Мёрри своей требовательностью заметно отличались от ее школьных учителей, и Полли это нравилось.

Она взялась за верхнюю книгу из стопки. Все книги были размечены закладками. Первая книга принадлежала перу Джона Локка, философа семнадцатого века, – Полли знала по крайней мере это благодаря Макс, которая часто дополняла и расширяла те знания, которые Полли получала в школе. Это были впечатления Локка от Америки – идиллические и, как показалось Полли, чуточку наивные. Однако Локк писал в далеком прошлом (хотя всего лишь несколько веков, а не несколько тысячелетий назад), когда новый континент был только недавно открыт и еще не испорчен всем тем злом, что накопилось в Старом Свете. Локку казалось, будто нагие

американские туземцы ведут жизнь столь же невинную, что и Адам и Ева в Эдемском саду. Они жили безо всяких законов, навязанных извне, не продавали, не покупали, не собирали богатств. Локк предполагал, что неведом им и стыд, что они неотягощены виной за прошлые поступки.

Положив книгу на колени, Полли раскачивалась в качалке и размышляла. Когда сюда прибыли первопоселенцы, они не нашли никаких свидетельств того, что на этих берегах некогда обитали кельты или друиды. Быть может, они растворились среди местных племен, как Карралис и Тав, принятые народом Анараль? Или вернулись в Британию? Если три тысячи лет тому назад на территории нынешней Новой Англии действительно жили друиды, что же тогда с ними произошло?

Полли вздохнула и открыла вторую книгу на странице, заложенной бабушкой. Это была книга Алексиса Токвиля, писавшего в беспокойные времена Эндрю Джексона⁶, когда с индейцами обходились ужасно несправедливо. И тем не менее Токвиль писал, что американские поселенцы «достигли демократии, не испытав демократических революций», и что они «не добивались свободы, а были свободными с рождения».

Это до сих пор правда? Полли всегда думала о себе как о человеке, свободном с рождения, и все же даже за свою недолгую жизнь она не раз была свидетелем того, как свобода использовалась во зло. Нет, конечно, пороки и алчность Старого Света укоренились и в Новом. И несмотря на теплые чувства, которые она испытывала к аборигенам Геи и к индейцам кви-стано⁷ в Венесуэле, идея «благородного дикаря» заставила ее ехидно ухмыльнуться. Полли по опыту знала, что люди есть люди. Одни хорошие, другие плохие, а большинство – так, середина на половинку.

Следующими по порядку шли «*Lectiones geometricae*», опубликованные Исааком Барроу, наставником Ньютона, в 1670 году. Полли действительно отличалась хорошими способностями к языкам, но вот сосредоточиться на латыни ей было сейчас трудновато, и она отложила книжку в сторону до тех пор, пока не получится собраться с мыслями. Дальше она прочитала отмеченную главу из истории шестнадцатого столетия, из которой узнала, что Джордано Бруно сожгли за ересь, в том числе за ужаснувшее тогдашних церковников предположение, что время не одно – времен может быть столько же, сколько существует планет.

«Да даже и на одной планете, – подумала Полли, – часовых поясов несколько, и когда мы пересекаем их слишком быстро, то потом страдаем от разницы во времени. И даже в одном часовом поясе время идет по-разному!»

Она вспомнила, как однажды валялась в постели с высокой температурой, как у нее ныли все суставы и как бесконечно долго тянулся тот день – куда дольше любого другого. А с другой стороны, она вспомнила новогоднюю вечеринку в чудесной старинной усадьбе Макс, Бо-Аллер. Макс сияла, как хрустальная люстра, они пели песни, играли в шарады, и вечер пролетел в мгновение ока! Бедный, бедный Джордано Бруно! Наверное, он все же был прав насчет времени... Сколько же людей сожгли заживо за то, что они были правы?

Следом шла книга Беркли, философа восемнадцатого века. Полли немного посидела с нераскрытой книгой на коленях. Макс ей рассказывала об этом философе, который был еще и епископом (интересно, был ли он похож на епископа Колубру?). Он развивал идею, удивительную в его времена, что лестницы за дверью его кабинета не существует, если он о ней не знает, что вещи, чтобы существовать, должны быть воспринимаемыми. Макс называла это антропным принципом. Ей это казалось завораживающим и отталкивающим одновременно.

⁶ Эндрю Джексон – седьмой президент США (1829–1837).

⁷ Кви-стано – вымышленный народ из книги Мадлен Л'Энгл «Водяные драконы» (*Dragons in the Waters*).

Если Полли не будет верить, что видела Анараль и говорила с нею, означает ли это, что та девушка навсегда останется в своем прошлом? Поможет ли это закрыть портал? Но нет: она же видела Анараль и никак не может сделать вид, будто этого не было. Портал все равно открыт.

Последним в стопке оказался номер «Медицинского журнала Новой Англии», где была опубликована бабушкина статья о влиянии микромира на макровселенную. В том, что поначалу выглядело как случайная подборка книг, теперь просматривался общий замысел. Полли показалось, что замысел этот имеет отношение к Анараль и огамическим камням, хотя она не думала, будто бабушка имела в виду Анараль или огамические камни, подбирая для нее сегодняшнее чтение, точно так же, как не имела в виду Полли, заново отделявая ее спальню.

Полли занималась часа два: конспектировала, обдумывала, вникала – так, чтобы потом суметь ответить на любые бабушкины вопросы. Она была полностью сосредоточена на настоящем. Что заставило ее взглянуть на часы, она и сама не знала. Стрелки указывали на начало двенадцатого. А одной из обязанностей Полли было ездить на почту за корреспонденцией. И если надо что-нибудь купить к обеду или ужину, бабушка оставит записку среди писем, приготовленных для отправки.

Полли спустилась вниз. Не найдя никого ни в гостиной, ни на кухне, Полли постучалась в закрытую дверь бабушкиной лаборатории.

– Ну что? – не очень-то любезно откликнулись из-за двери.

– Это я, Полли. Мне можно поехать на почту и в магазин?

– Ой, Полли, заходи! Напрасно я на тебя нарычала. Я думаю, бесполезно мечтать, чтобы Нейс никогда не выходил в отставку и не переезжал к Луизе...

Бабушка сидела на своем высоком рабочем табурете. Перед нею стоял электронный микроскоп, но он был в чехле, и чехол выглядел так, будто его не снимали годами. На бабушке была твидовая юбка, фильдеперсовы⁸ чулки, свитер с высоким воротом и кардиган – как есть деревенская тетушка. И тем не менее Полли знала, что бабушка проникает в самые глубины незримого мира, в тайны элементарных частиц и квантовой механики. Дедушка тоже как ни в чем не бывало носил свою старую клетчатую фланелевую рубашку и управлял трактором, но на самом деле он летал в космос и видел нашу Землю извне, из-за пределов атмосферы. Бабушка с дедушкой, казалось, вполне свыклись со своей двойной жизнью: обыденным мирком сада, кухни, дома и бассейна и великим миром своих научных экспериментов. Но епископ Колубра выбил их из колеи. Епископ Колубра и ее, Поллино, неожиданное путешествие во времени.

– Ба?

– Я не знаю, Полли. Просто не представляю, что сказали бы твои родители...

Она умолкла.

– Ба, я только на почту, в магазин и назад! Я просто не хотела ехать не спросившись.

– Может быть, – бабушка вздохнула, – я все это время обитала в мире грез? Единственное оборудование в моей лаборатории, которым я до сих пор пользуюсь, – это устаревшая бунзеновская горелка, и то потому, что это уже стало семейной традицией. Я, как и твой дедушка, провожу мысленные эксперименты.

Полли вопросительно уставилась на нее. Бабушка продолжала:

– Мы с Алексом обитали в своих замкнутых мирах, проводя эксперименты в уме...

– И? – поторопила ее Полли.

– Если мысленный эксперимент можно подтвердить лабораторными исследованиями, тогда мы пишем о нем статью, и потом либо мы, либо кто-то еще из ученых ставит соответствующие опыты. Однако многие мысленные эксперименты настолько умогрозны, что может пройти очень много времени, прежде чем их удастся проверить опытным путем.

⁸ *Фильдеперс* – специальная хлопковая пряжа, тонкая, шелковистая и блестящая, из которой делались дорогие тонкие чулки до изобретения современных материалов.

Что больше принадлежит миру грез: мысленные эксперименты бабушки с дедушкой и других ученых или мир трехтысячелетней давности, который соприкоснулся с их миром?

В лаборатории ощущалась сырость. Полли удивилась, как бабушка это выдерживает. Пол был вымощен большими каменными плитами. Перед двумя потертыми креслами был расстелен выцветший тряпичный коврик, и лампа на столике между ними создавала иллюзию тепла. Только пронизывающий холод заставлял вернуться к реальности.

– Ба!

– Что, Полли?

– Так можно мне на почту?

– Думаю, да. Не можем же мы держать тебя завернутой в вату. Я даже не знаю наверняка, чего именно мы боимся.

– Ну, что я потеряюсь где-нибудь три тысячи лет назад... Но я не думаю, что такое может случиться.

– Я тоже. К тому же я все еще не могу заставить себя поверить в невероятное. Но только на почту и обратно!

– У нас молоко кончилось.

– Ну ладно, и в магазин. Но обязательно зайти ко мне, когда вернешься!

– Конечно!

Полли твердо намеревалась сдержать слово и съездить только на почту и в магазин. Хотя на самом деле ей хотелось еще раз поговорить с Анараль. Пойти к Дубу-Дедушке, увидеть Карралиса с его собакой. Может быть, на этот раз он не уйдет, а поговорит с ней?

В четверг – канун Дня Всех Святых. Епископ Колубра отнесся к этому со всей серьезностью. Самайн. Праздник настолько древний, что он предшествует письменной истории. У Полли по спине ползли мурашки, уже не от страха, а от предвкушения, хотя девушка и сама не понимала, чего именно ждет. Она знала только, что соприкоснулась с давно минувшей эпохой, когда та восстала из прошлого, чтобы коснуться иного века, настоящего времени, которое, быть может, ничуть не менее жестоко, чем любая из прошедших эпох, но хотя бы знакомо.

Машина у бабушки с дедушкой была старенькая, мотор завелся далеко не с первого раза. Полли задним ходом выехала из гаража. Съездила на почту, в магазин, потолковала с почтальоншей и с кассиршей; обе были любопытные, дружелюбные и знали ее по имени.

Когда она вернулась домой, бабушка, уже покинув лабораторию, готовила горячие бутерброды на обед. Не успели они поесть и убрать со стола, как снаружи резко затормозила машина. Епископ Колубра!

– Я на минуточку, – предупредил он. – Одна нога здесь, другая там. Я обещал Луизе. Я только хотел привезти Полли свои записи по огаму. – Он сел к столу, указал Полли на соседний стул и раскрыл блокнот.

Записи были аккуратные и последовательные: словарик, простейшие правила грамматики, несколько фраз и идиом.

– Друиды после многих лет обучения хранили в памяти огромный объем информации, но огам был в большей степени устным языком, чем письменным. Эти мои записи – ни в коем случае не чистый огам. Это язык, на котором Анараль, Карралис и народ Ветра говорят сейчас – в их, тогдашнем сейчас.

В три колонки были выписаны слова, которые народ Анараль использовал до того, как прибыли Карралис с Тавом. Далее следовали чисто огамические слова, которые привнесли в язык Карралис и Тав, и небольшая колонка слов, оставшихся узнаваемыми в английском и по сей день, таких, как «mount», «glen», «crag», «bard», «cairn»⁹.

⁹ «Гора», «долина (в горах)», «утес», «бард», «кern» (памятный знак в виде груды камней). Тем, кто интересуется языками, стоит обратить внимание, что слово «mount» – не кельтское, а французское заимствование. Впрочем, поскольку огамический

– Почерк мой разберешь? – спросил епископ.

– Разберу! У вас почерк намного понятнее моего.

– Не правда ли, захватывающе наблюдать, как развивается язык? Интересно, много ли английских слов еще будет в ходу тысячу лет спустя? – Он встал. – Ну, я пошел!

Полли взяла блокнот.

– Большое вам спасибо, господин епископ! Очень хорошо, что вы написали фонетическую транскрипцию.

Она, кивая, листала странички, а епископ стоял на одной ноге и почесывал другой себе голень, отчего походил на цаплю больше, чем когда бы то ни было.

– Конечно, название «огам» довольно условное, но это выглядело проще всего. Этот язык развивался довольно легко, нечто вроде лингва франка, языка межнационального общения.

– Епископ, а вы правда научили Анараль английскому?

– Тсс! – Он опустил ногу и покосился в сторону миссис Мёрри, которая как раз подбрасывала дрова в огонь, и мистера Мёрри, погруженного в статью научного журнала. Епископ наклонился ближе к Полли. – Она такая умница! Она выучилась на удивление быстро.

– Но вы с ней проводили много времени.

Епископ снова покосился на бабушку с дедушкой и тяжело вздохнул:

– Что ж, скрывать глупо, верно? Ну да. Я туда ходил всякий раз, как временной портал открывался передо мной. Но ты... – Он покачал головой. – Все, мне пора! – Он направился к двери кладовки. – Ты обещаешь держаться рядом с дедушкой и бабушкой, да?

– Да, господин епископ. – Полли тоже вздохнула. – Я обещаю.

Глава четвертая

Несколько часов Полли потратила на изучение огамических записей епископа Колубры. Ближе к вечеру они с бабушкой пошли поплавать. Ничего особенного не случилось. Анараль не приходила. Вечер прошел спокойно.

Во вторник епископ пригласил ее на чай.

– Поезжай! – сказала бабушка. – А то ты тут с ума сойдешь от сидения на одном месте. И хотя я не думаю, что что-то может случиться, пока я рядом, и вообще не особо верю, что события трехтысячелетней давности могут как-то коснуться нашего времени, все равно я буду рада, что ты окажешься подальше от этого бассейна.

– А тебе машина не нужна?

– Я никуда не собираюсь. До Луизиного дома рукой подать, если напрямик. Ее земля бок о бок с нашей. Но на машине тебе придется ехать по шоссе. Проедешь пару миль на запад, а потом на первом повороте свернешь в гору направо.

Зазвонил телефон. Это был Закари. Ему явно хотелось поболтать.

– Знаешь, Полли, я так рад, что снова тебя разыскал! Ты просто как луч света в эти противные дни.

– А по-моему, осень сейчас чудесная.

– Только не в офисе, это же крохотная клетушка без окон! Просто жду не дождусь, когда мы увидимся.

– Да, я тоже тебя жду.

– Знаешь, Полли, мне не хочется причинять тебе боль.

Бабушка ушла с кухни в лабораторию, оставив Полли наедине с телефоном.

– А почему ты должен причинять мне боль?

– Так уж я устроен, Полли. Я причиняю боль всем девушкам, с которыми имею дело. Вот и с тобой тоже, прошлым летом...

– Ну разве это боль! – возразила она. – Я хочу сказать, все же кончилось хорошо.

– Ну да, потому что твои друзья пришли и спасли нас после того, как я перевернул то дурацкое каноэ. Но да, ты права. Это пустяки по сравнению с...

Голос у него был такой несчастный, что Полли мягко спросила:

– По сравнению с чем, Закари?

– Полли, я просто себялюбивый ублюдок. Я думаю только о себе.

– Ну так ведь все же так делают, до некоторой степени!

– До некоторой степени – да. Но я в этом просто не ведаю границ.

– Слушай, ты там на работе?

– Да, но ты не беспокойся. Я сейчас один в своей клетушке, и работы сегодня мало. Я не отлыниваю. Прямо сейчас мне просто нечего делать. Я только хотел сказать, что очень постараюсь не причинять тебе зла.

– Ладно. Понятно. Это хорошо.

– Ты мне не веришь.

– Верю, конечно! Я верю, что ты постараешься меня не обижать.

– Нет, я имею в виду, что я страшный эгоист. Вот слушай. Как-то раз мы были с девушкой, которая мне действительно нравилась. Ее дедушка был болен – на самом деле, он умирал, – и мы пошли в больницу сдавать для него кровь. Она, конечно, была расстроена, ужасно расстроена. И там был ее знакомый ребенок, и у ребенка начался какой-то припадок... в общем, Полли, я на самом деле не знаю, что там было, потому что я сбежал.

– Что-что? – переспросила она, стараясь не повышать голоса.

– Сбежал я. Просто не выдержал. Сел в машину и уехал. Просто бросил ее, и все. Поняла теперь, какой я вонючка?

– Да ладно, Зак, хватит уже заниматься самоуничтожением. Это же все в прошлом. Больше ты так не сделаешь.

– Да не знаю я, сделаю я так или нет, в том-то и дело.

– Слушай, Зак, не надо застревать в прошлом. Дай себе шанс. Все мы учимся на своих ошибках.

– Правда? Ты действительно так думаешь?

– Ну конечно! Я тоже не раз совершала ошибки, и меня это многому научило.

– Ну хорошо. Я только хотел сказать, что, по-моему, ты просто потрясная, и я надеюсь, что мы отлично проведем время в четверг, и мне не хотелось бы сказать или сделать что-нибудь, что тебя огорчит.

– В четверг все будет отлично! – уверенно заявила Полли.

– Ну тогда пока. До четверга. Знаешь, Полли, я рад, что ты есть на свете. Ты мне очень нравишься. До свидания!

Этот звонок поверг Полли в растерянность. Чего он так боится? Что такого он может сделать, что причинило бы ей боль? Полли пожала плечами, сходила в кладовку, сняла с крючка красный анорак и постучалась в лабораторию:

– Ба, тебе надо чем-нибудь помочь, пока я не уехала?

– Да нет, ничего не надо. Главное, к ужину не опаздывай. Ты извини, что я веду себя как наседка, но я не могу отмахнуться от твоего опыта по попаданию во временной портал только потому, что это не укладывается в рамки моего собственного опыта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.